

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО

DOI: 10.17805/zpu.2017.1.1

Как посол США Мэтлок управлял «перестройкой»

И. М. Ильинский

Статья представляет собой авторские размышления по поводу книги посла США в СССР (1987–1991) Дж. Мэтлока «Смерть империи. Взгляд американского посла на распад Советского Союза». Работа была издана в США в 1995 г., переведена на русский язык и опубликована в России в 2003 г.

И. М. Ильинский считает, что взгляды американского посла на «перестройку» оказали значительное влияние как на американских, так и на российских читателей. Дж. Мэтлок полагал, что «перестройка» представляет собой уникальный исторический шанс осуществить вековую мечту США — уничтожить СССР и идею коммунизма. При этом он был убежден, что государство должно было «рухнуть само собой», потому что «система была изначально порочна».

Однако посол прекрасно знал, что Система не «рухнула», а была уничтожена в союзе внутренних и внешних антисоветских сил, что в ее разгроме «выдающуюся» роль сыграли США и в немалой степени посольство США в СССР и сам Мэтлок. И упоминания об этом можно найти в книге. Автор статьи тщательно анализирует текст книги Мэтлока и приводит многочисленные цитаты, сопровождая их своими обстоятельными комментариями, выводя «выводы» Мэтлока «на чистую воду».

Ключевые слова: Дж. Мэтлок; США; СССР; распад СССР; перестройка; международные отношения; М. С. Горбачев; геополитика

Книга Дж. Мэтлока «Смерть империи. Взгляд американского посла на распад Советского Союза» впервые издана в США в 1995 г. при поддержке Института «Открытое общество», входящего в издательскую империю широко известного в России американского миллиардера венгерского происхождения (этнического еврея) Дж. Сороса (Шульца), который вложил огромные средства в разрушение СССР и России, а также восточноевропейских социалистических стран. Ничего удивительного в том, что Сорос помогает Мэтлоку в публикации его труда, нет, оба они «одного поля ягоды».

Между тем мнение посла США в СССР о «перестройке» имеет огромное значение для одурманивания умов тех, кто прочитает его произведение, — хоть американцев, хоть российских граждан. Ведь посол — чрезвычайный и полномочный представитель правительства своей страны, в каком бы государстве он ни действовал. Все указания из «верхов» этой страны, и прежде всего ее руководителя, в зашифрованном виде идут на имя посла. Он — исполнитель воли главы государства, правительства и ведомства, осуществляющего внешнюю политику, в данном случае — Государственного департамента США. Под «крышей» посольства практически автономно работает рези-

дент внешней разведки (Центрального разведывательного управления) со своей шпионской сетью.

Посол вовсе не лишен права на собственный взгляд и оценку происходящего в стране пребывания. Он излагает их руководству Госдепартамента и другим ведомствам, обращаясь по мере необходимости непосредственно к президенту США, в том числе во время личных встреч в Вашингтоне.

Послы, как и все люди, бывают разные — по глубине и масштабу ума, чертам характера, уровню различных способностей и профессионализма. И — разные по своему предназначению. Доля одних — годами сидеть, отдыхать и спиваться в каких-нибудь ничего не значащих для экономики и политики его государства «райских» странах вроде Сейшельских Островов. Судьба других — быть на передовой линии внешнеполитической игры на Великой шахматной доске, где США мыслят себя ферзем. Тут нужны особая подготовка, особый ум и особый характер. Дж. Мэтлок был из этой породы игровых фигур. Это был посол-диверсант. Чтобы понять это, достаточно взглянуть на его послужной список.

Мэтлок был послом США в СССР дважды, и оба раза, когда в Советском Союзе «штормило»: сначала потому, что один за другим в мир иной уходили «вожди» (с 1981 по 1984 г.) и будущее Советского Союза было непредсказуемым; затем (с 1987 по 1991 г.), когда «перестройка», вырвав поводья из рук «перестройщиков», понеслась вскачь и вразнос, а надо было, чтобы неслась она в сторону «национальных интересов» США.

Мэтлок оба раза, как говорится, оказывался в нужное время в нужном месте. Трудился самоотверженно, не отбывал положенный послу срок, а работал день и ночь, презирая усталость и болезни. Он жил «перестроечными» делами, понимая, что перестройка — это уникальный исторический шанс осуществить вековую мечту США — уничтожить СССР и идею коммунизма; что «перестройщики» взялись за решение задачи, которая выше их сил и способностей, и потому изначально провозглашенная Горбачевым цель «совершенствования социализма» вкупе с его «новым мышлением», суть которого сводилась к идее развития всего мирового сообщества на основе единых «общечеловеческих ценностей», — утопия еще большая, чем коммунизм.

Мэтлоку было ясно, что «инициативы» Горбачева в вопросах всеобщего разоружения, тем более одностороннего — это признаки болезни его ума, духовного и волевого бессилия, хотя сам Горбачев, как было видно, выдавал себя за Илью Муромца вкупе с А. Яковлевым (Алеша Попович) и Э. Шеварднадзе (Никита Селянинович), стоявшими на страже интересов и границ своего Отечества.

Мэтлок понимал то, до чего не додумался в ту пору Горбачев и тогда еще не до конца открывшийся ему (Мэтлоку) Яковлев: внешняя политика есть не только продолжение внутреннего состояния страны и ее внутренней политики, но при определенных обстоятельствах внешняя политика начинает определять политику внутреннюю и доветь над ней. Чем больших «успехов», как казалось Горбачеву, добивался он на международном фронте, тем хуже шли дела «в тылу», тем слабее становился Советский Союз в экономике, социальной сфере; тем быстрее нарастало недовольство населения «перестройкой», социализмом, который «совершенствовался» «прорабами перестройки», но гражданам при этом становилось жить все хуже...

По сути дела, Мэтлок был негласным участником Большого заговора по уничтожению СССР, о действительных целях которого он, судя по тексту книги, ничего не

знал, но с 1989 г. также оказался в неоговоренном вслух тайном союзе с заговорщиками: Горбачевым, Яковлевым и Шеварднадзе.

Книга Мэтлока написана в чисто дипломатическом духе: как бы так сказать, что-бы ничего не сказать; как бы все обо всем сказать, но не проговориться о главном и тайном. Хотя порой вполне откровенен...

Мэтлок был не просто послом США в СССР и наблюдателем за происходящим в Советском Союзе, нет. Мэтлок был послом Беды, которую несли с его помощью нашей стране Соединенные Штаты Америки. Вместе с президентами США Р. Рейганом и Дж. Бушем-старшим, секретарями Госдепартамента, Советом национальной безопасности, ЦРУ, руководителями Пентагона, тысячами разведчиков и советологов, своими западными союзниками и «пятой колонной» внутри СССР Мэтлок, как и многие политики США, тщательно и долго готовил уничтожение социализма и СССР. Это было ясно давно. Ради чего ж иначе целых полстолетия шла холодная война?

И вот уже на третьей странице повествования Мэтлок говорит о «грандиозности происшедшего», о том, что он «ожидал такого исхода», но не способен «до конца объяснить, как все произошло». Однако тут же разворачивает логическую, на его взгляд, цепь доказательств.

Цитирую: «...Советский Союз обладал крупнейшей на планете военной машиной, управление которой сосредоточено в руках одного человека. Страною управляла, казалось бы, крепкая как монолит партия, располагавшая не имеющим аналогий аппаратом подавления. Щупальца ее разветвленной бюрократии достигали самых потаенных уголков жизни граждан. Ее идеология похвалялась, что знает, как усмирять приливные волны истории. Как могло такое государство рухнуть само собой?

Если бы у меня все же потребовали ответа, я, наверное, сказал бы, что система была изначально порочна и обречена рано или поздно погибнуть; ее руководители виновны в ужасающих преступлениях против человечества, а история умеет сводить счеты; экономическая система была иррациональна и неспособна конкурировать в современном мире; идеология утратила силу и не могла больше поддерживать веру; попытка использовать военную мощь для утверждения гегемонии и поддержания “престижа” провалилась и так далее, и так далее...» (Мэтлок, 2003: 16; здесь и далее выделено полужирным шрифтом в цитатах мною. — *И. И.*).

Итак, Мэтлок все происходящее объясняет чрезвычайно просто: государство с названием СССР должно было «рухнуть само собой», потому что «система была изначально порочна». Тут можно было бы затеять спор, но по этому поводу уже исписаны тысячи тонн бумаги, и вряд ли я смог бы сказать что-то новое в защиту системы, которой уже нет, но в которой я родился и вырос. Знаю, что у Системы, как у всякого общества и государства, пороки имелись (тут Мэтлок и иже с ним правы), но у советского строя были также великие достоинства, которых у других Систем нет и о которых Мэтлок умалчивает, хотя наверняка знает о них.

Не стоит, однако, требовать от посла «философского глаза» на мир и его развитие. В конце концов, Мэтлок — всего лишь диверсант, хоть и в ранге посла. Признаться бы в том, что сам вытворял на территории СССР начиная с 1956 г., когда он, окончив Институт русских исследований при Колумбийском университете¹, поступил на дипломатическую службу рядовым «бойцом» (с сентября 1961 г.) в посольство США в СССР. Побывал в 14 из 15 республик СССР, обзавелся (в те-то годы!) дружбой «на всю жизнь» с десятками нерядовых людей, в основном с писателями, художниками, театральными режиссерами.

Вернувшись в Вашингтон, Мэтлок получил должность начальника отдела Советского Союза в Госдепартаменте. А вскоре снова приехал в Москву заместителем главы посольства США и проработал в этом качестве до 1978 г. Был отозван в США на три года. В 1981 г. вновь вернулся в СССР уже послом США. Через год его место занял ставленник нового президента США Р. Рейгана Артур Хартман. Мэтлока отправили послом в Чехословакию. Там было чем заняться в ту пору, но через два года его перевели в Совет национальной безопасности ответственным за отношения с Европой и Канадой, однако с особым уклоном в сторону Советского Союза. Мэтлоку поручили разработать стратегию сокращения вооружений.

Рассказываю подробно о послужном списке Мэтлока, чтобы показать: он прекрасно знал, что Система рухнула не сама собой, что в ее разрушении «выдающуюся» роль сыграли США и в определенной мере сам Мэтлок.

Теперь пробежимся по страницам труда Мэтлока, посмотрим, чем же был озабочен, чем занимался посол США в «перестроечные» времена? Кто из «перестройщиков»-заговорщиков был более всего близок с ним? Есть вещи, о которых он вдруг рассказывает с несвойственным ему откровением, и лучше всего в этом случае приводить слова самого Мэтлока, подчеркивая лишь главное.

«В общении с советскими гражданами, — пишет он, — нам оказывали неоценимую помощь советские средства массовой информации. Когда-то в буквальном смысле слова закрытые для иностранных дипломатов, в особенности для американцев, советские газеты, журналы, телевидение и радио начали брать у нас интервью, и в 1990 году не проходило дня без того, чтобы нас не упоминали в средствах массовой информации.

Мы были приятно удивлены, обнаружив, что становимся в Москве **частью советского общества**. Гости, в основном советские, собирались в нашей резиденции Спасо-Хауз по **десять и больше раз в неделю** на концерты, фильмы, художественные выставки, завтраки и обеды, а потом и на **обсуждение политических и экономических проблем**. С образованием нового парламента его члены часто дискутировали за обеденным столом в Спасо-Хауз по вопросам, которые **только еще подлежали официальному обсуждению**. Советские руководители общались с нами более открыто, обсуждали свои планы, надежды, иногда даже спрашивали совета, особенно по части становления демократических институтов и процедур. Благодаря **энергичным дипломатам** нашего посольства мы познакомились буквально со всеми видными политическими деятелями в Москве и со многими влиятельными людьми в районах за пределами столицы» (там же).

Фантастика! В такое невозможно поверить, если бы об этом не говорил сам Мэтлок. Ведь между СССР и США шла война! Да, «холодная», но война! В совершенно секретном документе Совета национальной безопасности США №68 от 14 апреля 1950 г., утвержденного президентом США Г. Трумэнэном, говорилось: «...холодная война — это на самом деле настоящая война, в которой на карту поставлено выживание свободного мира» (Главный противник ... , 2006: 451).

И вот враги СССР становятся «частью советского общества»! Абсурд. Более того, «советские руководители», «видные политические деятели» за обеденным столом вражеского посольства дискутируют с неназванными разведчиками ЦРУ и дипломатами США (а они по долгу службы и своему назначению те же политические разведчики) вопросы, которые «только еще подлежали официальному обсуждению», делятся своими планами, надеждами, иногда даже спрашивают совета... Все эти «руководители» и «видные политические деятели» — не круглые идиоты, нет! Есть только одно

слово, способное точно определить такой способ их поведения, — предательство, а их самих — предателями.

Разумеется, они получали желанные советы, заранее подготовленные в спецорганах и научных центрах, отвечающие «национальным интересам» США. И надо ли в этом случае удивляться, что «совершенствование социализма» буксовало с самого начала, а потом «перестройка» заладилась и понеслась в сторону «национальных интересов США» по рельсам идеологии ультралиберализма.

В книге Мэтлока есть нечаянные проговорки в пользу понимания «перестройки» как заговора. Ссылаясь на свою беседу с М. Полтораниным 23 сентября 1992 г., он пишет: «Едва заняв пост генсека, Горбачев поручил составление первоначального проекта “апрельской программы” двум настроенным на реформы соратникам, Александру Яковлеву и Михаилу Полторанину. Их отправили на загородную дачу, дабы они могли несколько недель поработать в тиши и покое, — практика, к которой Горбачев прибегал неоднократно. По словам Полторанина, когда Горбачев ознакомился с их проектом, он “повычеркивал крест-накрест” все пассажи, призывавшие к политическим реформам. “Это на потом, — заметил Горбачев. — **Поначалу нам придется маневрировать**”» (там же: 17). «Потом» — это цель, замысел.

Другими словами, с самого начала в голове Горбачева существовала тайная мысль о неизбежности политических трансформаций, хотя (допустим) он в тот момент не представлял их масштабы и глубину. Предлагалось поначалу (как долго?) «маневрировать», т. е. врать, обманывать партию и народ. В качестве обманного движения по пути «совершенствования социализма» был предложен лозунг «ускорения».

Это замечание Мэтлока расходится с тем, что говорит в своих мемуарах Яковлев: в его рассказах Полторанин не присутствует, существуют только его, яковлевская, «диктовка» и многостраничная записка «Императивы политического развития», которую А. Н. Яковлев написал М. С. Горбачеву в самом конце 1985 г., вскоре после избрания его Генеральным секретарем ЦК КПСС. «Реакция М. С. Горбачева на эту записку была спокойной, заинтересованной. Но он считал предлагаемые меры **преждевременными**» (Яковлев, 1994: 205). Не преступными по существу, а всего лишь **преждевременными**. «Час пик» еще не наступил.

Между тем, в записке излагалась стратегия уничтожения СССР.

Есть и другие свидетельства того, что Мэтлок, вероятней всего, в той или иной мере был посвящен в «заговор двоих» — Горбачева и Яковлева. Кем? Конечно, Яковлевым, слова которого Мэтлок скупно цитирует в своей книге. «Как вспоминал позже Яковлев, Горбачев поразил его “искренностью и ясностью позиции”, — пишет Мэтлок. — Оба они пришли к согласию: “Так дальше жить нельзя”. Не прошло и нескольких месяцев, как Яковлев был вызван в Москву» (Мэтлок, 2003: 55). Нет сомнения, что Яковлев рассказывал Мэтлоку о встрече Горбачева и Яковлева в 1983 г. на ферме министра сельского хозяйства Канады, где они наговорились вдоволь и сошлись во взглядах на настоящее и будущее СССР, а потом обсуждали эти вопросы в ходе шестидневной поездки по Канаде. О чем они говорили? Яковлев в своих мемуарах упоминает об этом несколькими строками. Горбачев нигде не произносит ни слова. Как много и что рассказал Яковлев Мэтлоку о своих и горбачевских замыслах и планах — тогда, в 1983 г., когда они еще не были столь многозначными политическими фигурами, можно только гадать.

Во всяком случае, следом за приведенной мною цитатой следуют не менее важные строки, в которых Мэтлок высоко оценивает труд Яковлева на ниве предательства

СССР. Он пишет: «В декабре 1984 года Яковлев входил в состав небольшой группы, сопровождавшей в Лондон не-совсем-еще-руководителя СССР Горбачева в его первом наскоке на дипломатию высшего ранга. Если признание Маргарет Тэтчер “Человек, с которым мы сможем дела делать” стало **результатом советов Яковлева**, то он недаром ел свой хлеб» (там же).

Согласно нормальной логике вещей Яковлев, человек №2 в партии, не имел права откровенничать с послом враждебной страны, тем более по вопросам конфиденциальным и секретным. Но Яковлев выворачивал перед Мэтлоком свою душу наизнанку, поскольку Мэтлок был для него не врагом, не чужим, а своим. Знал ли Мэтлок о стажировке Яковлева в Колумбийском университете в 1958 г. и о том, что председатель КГБ В. А. Крючков обвинял его в связях с ЦРУ? Конечно, знал. Уверен. Это была все-союзная сенсация. Такого рода публикации тут же оказывались на столе посла. Ни опровергнуть, ни подтвердить такую информацию Мэтлок не мог. Возможно, он даже не знал, что Яковлев — «крот».

И он выходит из пикантной ситуации несложным образом — отстраняет Яковлева от себя, более того, поносит его. «Хотя, несмотря на длительное пребывание Яковлева в Северной Америке, наши официальные лица хорошо с ним знакомы не были, — повествует Мэтлок, — все же они знали о нем... И то, что они знали в 1985 году, хорошего не предвещало. Яковлеву вполне доверяли в руководстве Коммунистической партии, чтобы направить его на Запад в качестве одного из пионеров освоения советскими студентами и аспирантами этого враждебного пространства (речь идет о стажировке в Колумбийском университете. — *И. И.*). За десятилетие дипломатической службы в Канаде он открыто не выказал никакой склонности поставить под сомнение традиционную советскую политику. **Его опубликованные работы были злобно антизападными**» (там же: 56).

Между тем в этом нет ничего удивительного. В своих мемуарах Яковлев многократно признается, что еще с молодых лет, особенно после XX съезда партии, ненавидел советский строй, коммунистическую идеологию. Но чтобы выжить и двигаться вверх по партийной лестнице, он бесконечно «лукавил», проще говоря, безостановочно врал, думал одно, говорил другое, а делал третье. В 2005 г., отвечая на вопрос корреспондента журнала «Итоги»: «В 1985 году Вас уже можно было назвать антикоммунистом?», Яковлев сказал: «Да. Но я не хотел выдавать себя» (Яковлев, 2009: 363).

Парадокс состоит в том, что именно в 1985 г. Горбачев назначил Яковлева заведующим идеологическим отделом ЦК КПСС.

Несомненно, тем не менее, что Мэтлок и Яковлев прекрасно знали друг друга: Яковлев был председателем Комиссии ЦК КПСС по международным отношениям и, как пишет Мэтлок, «разрабатывал теоретическое обоснование для утверждения советской внешней политики на новой основе» (Мэтлок, 2003: 55). Как же им не дружить, как не советоваться друг с другом, если цель у обоих — одна: внешняя политика СССР должна отвечать национальным интересам США?

Вспомним также, что в 1984 г. Мэтлок работал в Совете национальной безопасности США и отвечал за отношения с Европой и Канадой «с особым уклоном в сторону СССР». Как минимум два человека в Канаде могли рассказать Мэтлоку о Яковлеве очень много: премьер-министр Канады Пьер Эллиот Трюдо, находившийся с Яковлевым в тесных дружеских отношениях, и посол США в Канаде. Они-то знали, что Яковлев — человек не «злобно антизападный», а злобно антисоветский, антикоммунистический.

Надо признать, что Мэтлок очень точно определяет обманный ход «перестройщиков» под названием «гласность», породивший в сознании советских людей иллюзию свободы слова и печати. На самом деле «гласность» имела к свободе слова лишь некоторое отношение и была ею в какой-то мере. Однако главный замысел Яковлева, получившего вскоре в народе и за рубежом титул «отца гласности», был совершенно в другом. Как один из двух заговорщиков, он, думаю, лучше Горбачева (заговорщика №1 по должности) понимал: прежде чем говорить о каких-либо серьезных переменах, особенно в переустройстве советской плановой экономики и политической системы общества, надо затуманить, замутить сознание народа по поводу существовавшего общественного строя, ударить теоретическими «разоблачениями» по коммунистической идеологии, ее творцам и вождям. Одним словом, поколебать веру в социализм, вбить клин между народом и властью. Сам Агитпроп (Отдел пропаганды и агитации, которым восемь лет руководил Яковлев до «ссылки» в Канаду и, как уже говорилось, был вновь назначен Горбачевым на должность вскоре после того, как вытаскил его в Москву) сделать это не мог по многим причинам, хотя имел в своем распоряжении огромную сеть политического просвещения, командовал огромными по масштабам средствами массовой информации. Но это были совсем «не те» СМИ, которые были необходимы Горбачеву и Яковлеву. Диверсанту (по военной службе) Яковлеву были нужны в СМИ диверсанты-редакторы, диверсанты-журналисты. Подрывники. Люди талантливые в этом деле. Не было нужды в том, чтобы их было много. Главное — абсолютная преданность «делу», т. е. «перестройке», лично Яковлеву и — полная свобода рук, т. е. мнений. Гласность была оружием, ей отводилась роль артиллерии, она должна была провести артподготовку перед главными боями по уничтожению СССР.

Вот что пишет по этому поводу Мэтлок: «И еще одно ключевое слово вошло в моду в то лето (1986 г. — *И. И.*): “гласность”, что буквально значит “оглашение”, или широкое извещение о фактах. У этого русского слова в английском языке нет прямого эквивалента, что и привело в Соединенных Штатах к путаным толкованиям того, что же на самом деле означает названная этим словом политика. Она не означала свободы слова или свободы печати, как то склонны были считать некоторые иностранные наблюдатели. Означала она то, что официальные учреждения должны действовать с некоторой долей открытости, и таким образом соотноситься с нашей концепцией прозрачности. Цель ее состояла не в том, чтобы дать свободу средствам массовой информации, а в том, чтобы развернуть более эффективную пропаганду политики перемены. Горбачев с самого начала рассматривал гласность как рычаг против официальных лиц, противоборствовавших его программе реформ» (там же: 41).

Яковлев, зная многих людей еще со времен прежней работы в Отделе пропаганды и агитации, до отъезда в Канаду, теперь имел все полномочия и особый интерес в том, чтобы начать «чистку» в стане главных редакторов теле- и радиостанций, газет и журналов в Москве, убирая неугодных и назначая «своих». Журнал «Огонек» возглавил В. Коротич, «Литературную газету» — Ф. Бурлацкий, журнал «Новый мир» — С. Залыгин, журнал «Знамя» — Г. Бакланов, газеты «Известия» — И. Лаптев, «Московские новости» — Е. Яковлев. Особо радикальные перемены шли на радио и телевидении. Они и стали главными инструментами «перестройки» в руках Яковлева.

Однако пора перейти к самым главным вопросам, которыми занимался посол США в СССР, — внешнеполитическим отношениям между двумя странами в их полном объеме. Здесь СССР проиграл абсолютно все, причем часто по доброй воле или

при первой же угрозе пальчиком с «той стороны». Мэтлок исполнял в этой игре далеко не последнюю роль.

Однажды его осенила светлая мысль: изложить на бумаге свои соображения по улучшению отношений с СССР и предложить их президенту США. Не долго мучаясь, он обозначил рамки предстоящих переговоров Рейгана с Горбачевым в трех аспектах: «(1) сокращение — в конечном итоге прекращение — “угрозы силой и применения силы в решении спорных международных вопросов”; (2) сокращение “огромных завалов накопленных вооружений” и (3) “установление более благоприятных рабочих отношений” путем уважения прав человека, соблюдения соглашений, расширения контактов и осуществления свободного взаимобмена информацией и идеями. В последующем третий пункт был разделен на два: права человека утверждались самостоятельным аспектом переговоров, — и все это вместе получило название “программы из четырех пунктов”» (там же: 64).

Рейган включил «четыре пункта» в свою речь 16 января 1984 г. «В конечном счете, политике, зародышевые основы которой были заложены этой речью, — восторженно сообщает Мэтлок, — предстояло работать так, как нам и не грезилося в самых безумных мечтаниях» (там же: 66).

Велась подготовка саммита в Женеве. Позиции обеих сторон в 1984 и 1988 гг. были, казалось, непримиримыми. И вдруг Горбачев в разгар лета выступил с неожиданным предложением о моратории на ядерные испытания, которое американские официальные лица сочли пропагандистской уловкой (там же: 71).

Однако был ли ход Горбачева такой большой неожиданностью для США? В тот момент министром иностранных дел СССР вместо А. А. Громыко был назначен Э. А. Шеварднадзе — человек №3 в Большом заговоре, преданный Горбачеву и Яковлеву, но абсолютный новичок во внешнеполитических отношениях. Его появление на международной арене было настоящим сюрпризом для всех в СССР, как и для американцев.

И все же Шеварднадзе быстро очаровал их. «Седовласый, оживленный человек с не сходящей с лица располагающей улыбкой вошел в комнату, пожал руки американцам и начал встречу с обращения к своим помощникам на русском языке с грузинским акцентом: “Я в этом новичок. Обязательно поправьте, если я дурака свалю”. Кашлянув, он перешел к делу.

Когда встреча закончилась, Шеварднадзе повернулся к своим сотрудникам и спросил: “Ну, ребята, как у меня получилось? Сколько блох насчитали?” И прежде чем они успели произнести слова похвал, министр рассмеялся и сказал: “Постойте, скажете мне, когда из комнаты выйдем”. Пожал руки всем вокруг и удалился» (там же: 54).

Небольшое авторское отступление от общей логики изложения...

Однажды, кажется, в 1972 г., я встречался с Шеварднадзе в Тбилиси. Тогда он был первым секретарем компартии Грузии, а я работал в ЦК ВЛКСМ и явился к Шеварднадзе, чтобы доложить о результатах проверки работы республиканской комсомольской организации. Результаты эти были малоутешительными. Помню рукопожатие ватной и влажной руки, большие, навывкате глаза. Из долгой речи Шеварднадзе после моего сообщения не могу вспомнить ничего существенного, в том числе и потому, что говорил он каким-то вкрадчивым и настолько тихим голосом, что, даже напрягая свой слух, я то и дело пропускал то слово, то целую фразу... До избрания первым секретарем ЦК компартии Грузии Шеварднадзе работал председателем КГБ этой же республики, «боролся» с коррупцией, а она только нарастала. Но об этом просто так, к слову... А еще помню, что первым в стране славословить Брежнева начал Шеварднадзе,

да так высоко и красиво вознес его к небесам, что вступивший с ним в дуэт велеречивости Гейдар Алиев, первый секретарь ЦК компартии Азербайджана, как ни пыжился, так и не смог перепеть Эдуарда Амвросиевича...

«Новое мышление» Горбачева предполагало переворот в мозгах и душах не только советских людей, но также всего человечества, включая глав государств и правительств, Организации Объединенных Наций. Всех, всех поголовно! Горбачев, вероятно, полагал себя Мессией, дабы разом образумить, разоружить и спасти род человеческий. Поэтому, видимо, он не особо погружался во внутренние дела и заботы своей страны, трудноразрешимые, не столь благодарные, а рвался за ее пределы, где невнятные слова «гласность» и «перестройка» кружили головы миллионам людей, напуганным западной пропагандой страшной угрозой коммунизма.

«К январю 1989 года тенденции развития стали очевидны, и я считал, что более активная сфера позволит ускорить советские реформы в направлении, отвечающем **нашим интересам**», — пишет Мэтлок в главе «Вашингтон примеряется».

После того как в должность президента США вступил Дж. Буш, кое-кто из республиканцев пытался убедить его в том, что Горбачев ведет двойную игру, что «перестройка является гигантским розыгрышем, задуманным для того, что укрепить Советский Союз в военном отношении, одновременно разоружив Соединенные Штаты и Запад. Данное суждение не опиралось ни на какие факты, и оно противоречило логике, поскольку **перестройка ослабляла, а не усиливала Советский Союз в военном смысле**», — пишет Мэтлок (там же: 155).

Пытаясь наставить на путь истинный нового президента США и его внешнеполитическую команду, Мэтлок информировал Вашингтон о растущем влиянии США на развитие событий в Советском Союзе, в то время как тактика Буша больше напоминала враждебные захватнические действия. Мэтлок отправил в Белый дом три послания, которые касались развития внутренних процессов в Советском Союзе, развертывания советской внешней политики и рекомендуемых подходов в политике Соединенных Штатов. «Я был убежден, — пишет Мэтлок, — что внешняя политика Советского Союза вырастает из его внутренней политики, а потому, прежде чем анализировать поведение страны за границей, следовало понять, что происходит внутри ее самой.

Внутри же этой страны происходила не более и не менее как **революция... Формальный отказ от идеологической подоплеки в борьбе с Западом привел в движение силы, наносившие невосполнимый урон старому строю**» (там же: 157). Вместо того чтобы сдерживать Горбачева, «нам следовало побудить его к попыткам реформ в направлении, отвечавшем **интересам США и тех советских людей, чьи подлинные интересы не противоречили нашим**. Даже если сомневающиеся окажутся правы, мы ничего не потеряем, если решим как можно больше проблем, пока Горбачев находится у власти» (там же).

Мэтлок понимал, что уследить за всеми событиями в такой огромной стране, как СССР, только из посольства в Москве и генконсульства в Ленинграде невозможно. И он предложил Белому дому «открыть несколько небольших учреждений, со штатом из четырех-пяти американцев в каждом, **в административных центрах регионов**. От них требовалось: следить за развитием событий и обозначать присутствие США, что (якобы! — *И. И.*) не предполагало ни секретной документации, ни защищенных комнат для бесед, ни шифропереписки. Если нашим представителям потребуется послать конфиденциальное сообщение, они смогут приехать в Москву и отправить его из посольства» (там же: 161).

* * *

В основу своей внешней политики Горбачев якобы положил идею замены силы и угроз, на основе которой СССР строил свои отношения с другими государствами, на сотрудничество и добрососедство. Почти ежемесячно он выезжал на переговоры в страны Западной Европы (Лондон, Бонн, Париж, Страсбург, Хельсинки, Рим), ускорял переговоры между НАТО и Варшавским Договором о крупном сокращении военных вооружений в Европе. «Ряд западных предложений, — пишет Мэтлок, — делались в расчете на то, что Москва никогда их не примет» (там же: 163). Но Горбачев принимал эти предложения с шокирующей западных переговорщиков быстротой. При этом он давал знаки руководителям соцстран Восточной Европы, что ожидает от них действий, опережающих скорость перемен в СССР. По мнению Мэтлока, многие сомневались тогда, отдает ли он себе отчет в последствиях того, что делает. Мэтлок считал также, что Горбачев недооценивал хрупкость советских позиций в Восточной Европе, не понимал, что коммунистические режимы во всей Восточной Европе тут же падут, как только СССР уберет из соцстран свои войска...

Все удивительное и непонятное для Мэтлока стало бы вмиг понятным, знай он, что Горбачев действует именно так не по наивности и неразумению, а вполне сознательно, по замыслу; что руководители внешней политики — министр иностранных дел Шеварднадзе и руководитель Комиссии ЦК КПСС по международным делам Яковлев — участники заговора, цель которого заключалась и в том, чтобы запустить в соцстранах «перестроечные» процессы на самоуничтожение. Но Мэтлок этого не знал. Как не знал и того, что в этой тройке заговорщиков есть суперрадикальный «крот» ЦРУ — идеолог «перестройки», направляющей ее процессы в сторону интересов США и западного мира.

«В декабре в ООН Горбачев объявил о крупных односторонних шагах по сокращению оружия и утверждению оборонительной позиции, однако вместо того, чтобы пройти свою половину пути навстречу, новая администрация США, казалось, прикарманивала любую уступку с его стороны, да только и делала, что ужесточала свои требования» (там же: 168).

* * *

С просьбой об официальной встрече с Мэтлоком обратилась группа (шесть человек) народных депутатов из Литвы, представлявших «Саюдис». Мэтлок решил, что надо встречаться открыто, в Спасо-Хаузе, дабы избежать подозрений в подрывной или тайной деятельности, а депутатов — в государственной измене за разглашение иностранной державе того, что у них было на уме. А речь шла как раз о плане выхода из СССР, новой Конституции Литвы и т. п. Когда депутаты спросили, как отнесутся США к этому шагу, Мэтлок выразил личное мнение, что США отнесутся к Литве с симпатией, другое дело, что надо будет подождать с признанием этой независимости. Литовцы съязвили: «Значит, вы — за демократию и самоопределение, а мы — сами за себя?» Мэтлока это задело за живое: «Наша реакция будет резкой. Я не говорю, что ничего не будем делать...» В ближайшие месяцы Мэтлок был «в постоянном контакте с этими и другими лидерами “Саюдиса”» (там же: 187).

Ну и как же назвать эти действия американского посла? Конечно, это была поддержка и обещание помощи в будущем, если власти СССРотреагируют на сепаратизм силой.

С 1987 г., когда Горбачев остановил попытки Эстонии утвердить свой суверенитет, к февралю 1988 г. все три Прибалтийские республики сделали свои национальные языки «государственными языками». Затем заявили о своей экономической автономии. В 1988 г. открыто зазвучали призывы о выходе из СССР.

В октябре 1989 г. к Мэтлоку с просьбой об официальной встрече от имени эстонского Национального фронта обратилась группа депутатов Верховного Совета СССР (там же: 218). Они так же, как и литовцы, говорили о своей твердой позиции в борьбе за независимость Эстонии. Как и литовцы, они хотели знать, какой будет политика и реакция США, и получили те же разъяснения.

Мэтлок в своей книге, как и положено дипломату, облекает свои ответы в обтекаемые формы, но в это плохо верится. Когда речь заходит о коммунистах, он называет их «неандертальцами», «наймитами коммунистической партии» и другими грубыми словами. За это его никто из «высшего света» и демократических кругов не упрекнет, не призовет к ответственности.

20 декабря 1989 г. съезд КП Литвы провозгласил ее независимость от КПСС. Меньше одной пятой делегатов не согласились с этим, покинули съезд и заявили, что сохраняют свои связи с Москвой.

Горбачев тут же созвал экстренный Пленум Центрального комитета для поисков выхода из кризиса, устроенного литовцами. Несмотря на то что съезд литовской партии пользовался в Литве поддержкой подавляющего большинства ее членов, Горбачев упрямо противился их решению и категорически настаивал на сохранении единой Коммунистической партии, а не на перестройке партии на федеральных началах, как убеждали его некоторые, в частности Яковлев. Слова Горбачева были полны драматизма.

«Разве не ясно, что в случае если мы перейдем эту черту (заменяв единую структуру партии федеральной структурой), то, можно сказать, сознательно поведем дело к расчленению СССР, а это исторический тупик для всех народов Советского Союза?» (Правда, 1989: 1).

25 декабря 1989 г. Горбачев выступил на Пленуме ЦК с пространной речью. Устроив разнос «Саюдису» и раскольников из числа литовских коммунистов, Горбачев обвинил их в том, что они пытаются «интернационализировать» вопрос, «стучась в двери» американского посольства в Москве и Белого дома в Вашингтоне. Раньше в заявлениях прибалты обвинялись в погоне за советом из-за рубежа, но на сей раз Горбачев впервые публично упомянул о встречах прибалтов с американцами. Эти контакты явно раздражали его. А поскольку Мэтлок был намерен продолжать их, то он задумался, получает ли Горбачев точную информацию. Его слова пробудили у Мэтлока подозрение, что КГБ препарирует свои доклады, дабы «доказать», что литовцы и другие прибалты действуют по наущению США (Мэтлок, 2006: 231).

Но настолько искренен был Горбачев и — с чего бы вдруг? Просто он не мог не «разносить» «Саюдис» и Бразаускаса, ибо был Генсеком КПСС. Лукавил!

У меня нет никаких сомнений в том, что посольство США в СССР было главным штабом «пятой колонны» и всех оппозиционных сил. В этом смысле интересна запись в дневнике помощника Горбачева А. И. Черняева, сделанная 14 марта 1991 г.: «Вчера я ему (Горбачеву. — *И. И.*) послал записку: Мэтлок по указанию Бейкера созывает на “партсобрание” к себе в посольство президентов союзных республик и председателей их Верховных Советов. Те уже “завели двигатели” в самолетах. Позорище! М. С. пришел в бешенство. Велел утром Бессмертных и Дзасохову сесть за телефоны. Сам стал обзванивать республиканские столицы. “Мероприятие” Мэтлока удалось сорвать.

А мне, между прочим, пришлось “разъяснять” Яковлеву, Бакатину и Примакову, что и им туда идти не следовало бы...” (Черняев, 1997: 61).

В 1989 г. Мэтлок совершил продолжительную поездку по Сибири и Дальнему Востоку.

* * *

Выступая с новогодним обращением к народу 31 декабря 1989 г., Горбачев заявил, что 1989-й был «труднейшим годом перестройки», и признал, что хозяйственная реформа столкнулась с «непогодой», но выразил уверенность, что 1989 г., со всеми его болями, заложил фундамент для будущего мира и процветания. Окончание холодной войны позволит 1990-м годам стать «самым плодотворным периодом в истории цивилизации». Больше всего нужны теперь «разум и доброта, терпение и терпимость». «Теперь мы яснее представляем себе цель, к которой стремимся. Эта цель — гуманный, демократический социализм, общество свободы и социальной справедливости» (там же: 242).

Пожалуй, политизированные люди, а такими в ту пору было едва ли не все взрослое население страны, обратили внимание на то, что впервые за все времена в обращении Горбачева ни разу не были упомянуты Ленин, коммунизм, коммунистическая партия. Но вряд ли кто-нибудь тогда придал этому факту большое значение. Никто не мог тогда даже подумать, что существует записка Яковлева Горбачеву «Императивы политического развития о необходимости всестороннего реформирования советского общества» (Александр Яковлев ... , 2008: 28–38) и «Тезисы А. Н. Яковлева «Об основных слагаемых перестройки» (декабрь 1986 г.) (там же: 63–69) по поводу разделения КПСС на две партии, что наступает пора «бить Плехановым по Ленину», отрешиваться от ленинизма; что четыре года назад, прочитав записку Яковлева, Горбачев только и молвил по этому поводу всего одно слово: «Рано». А для народа какая разница: коммунизм или социализм, да еще «гуманный, демократический». Тем более год назад, 31 декабря 1988 г., Горбачев говорил о «возрождении ленинского понимания социализма», об «ответственности ленинской партии». Не понял народ, что 31 декабря 1989 г. состоялось прощание с Лениным и ленинизмом.

26 ноября 1989 г. в газете «Правда» было опубликовано эссе «Социалистическая идея и перестройка» за подписью «М. Горбачев», без каких либо титулов. В этой статье ничего не говорилось о классовой борьбе, о необходимости движения в сторону рыночных отношений, введения частной собственности, но защищался «социализм» как общая идея.

Думаю, Горбачев вдруг увидел пропасть, в которую скоро грохнется страна, народ и он сам со своей камарильей, и испугался своего конечного замысла. Решил вильнуть, втихоря слукавить, да так сделал это, что даже Яковлев ничего не понял. Как отмечает он в своих мемуарах и интервью, «Горбачев так и не созрел до высот либерализма, остановился, видимо, на социал-демократии. Не дано».

Мэтлок отмечает в своей книге, что «у Горбачева были смутные и порой неверные представления о капиталистической экономике». В ходе обсуждения советской экономики во время саммита на Мальте «Буш с Бейкером были поражены тем, насколько слабо разбирается Горбачев в рыночной экономике. Так, он утверждал, что на Западе большая часть собственности является коллективной: к примеру, принадлежит корпорациям» (Мэтлок, 2003: 222).

К 1989 г. КПСС уже выполнила свою очередную (и главнейшую!) задачу: «запустила» процесс политической перестройки. С того момента возврат к прежней системе

управления страной был возможен только через применение силы, а более вероятно — через гражданскую войну. Решиться на такой шаг Горбачев не мог. Но компартия была уже ему не нужна: она мешала уничтожению СССР. Политический процесс надо было вывести из-под ее опеки, но сделать это было не так-то просто.

Как и во всех сложных ситуациях, Горбачев «лукавил»: думал — одно, говорил — другое, а делал третье. Обращаясь к партии, он, как прежде, говорил, что она — авангард общества, и тут же заявлял, что общество меняется быстрее, чем партия. Иначе говоря — отстает от общества, движется в хвосте перемен, и, стало быть, авангард на деле не партия, сдерживающая перемены, а общество. Но тогда зачем такая партия?

Можно было, как советовал Яковлев Горбачеву еще в 1983 г., разделить КПСС на две партии — реформаторскую и консервативную, возглавить «перестроечную» часть и... А дальше предстояла затяжная борьба за... Мыслимая партия «перестройки» была таковой в потенции, пока не знала истинной цели «перестройки» — уничтожение СССР, а значит, и цели самой этой партии. Предать эту тайную цель публичной огласке — пойти на самоубийство.

Логика диктовала шаг, который также еще в 1983 г. подсказывал в своей записке Яковлев: **создать базу власти вне партии** — ввести в стране должность президента, Горбачеву стать главой государства.

Начало подлинных выборов и создание Съезда народных депутатов обеспечили ему некоторую защиту, однако не слишком надежную. Центральный комитет мог добиться отстранения Горбачева как главы государства, отозвав его со Съезда, поскольку депутатское место на нем он получил как представитель партии. В качестве президента, всенародно избранного на определенный срок, он не был бы зависим от подобных махинаций. Создание президентской системы побудило Горбачева ослабить Коммунистическую партию, оставаясь ее генеральным секретарем (там же: 260).

Стать президентом СССР значило возглавить общество как авангард «перестройки», оставаясь в кресле генсека ЦК КПСС, чтобы и далее как можно быстрее ослаблять роль Политбюро, ЦК КПСС, партии в целом в расчете на то, что в ней заработает **механизм саморазрушения**. И это произошло: коммунисты стали покидать ряды КПСС. Прежде всего это были люди, оказавшиеся в ней случайно, из карьеристских соображений, понявшие, что состоять в «этой» партии нет никакой выгоды.

Горбачев между тем говорил о недопустимости раскола партии и изредка демонстрировал это на деле.

25 декабря Пленум ЦК КПСС осудил попытки литовской компартии отделиться от КПСС. Горбачев решил посетить республику и убедить литовских коммунистов остаться в составе КПСС. 11 января Горбачев прибыл в Вильнюс, два дня общался с рабочими, интеллигенцией, руководителями КП Литвы, но не добился успеха. Тем не менее это был знак: генсек — за единство КПСС. Что думал в эти дни Горбачев на самом деле, никто не знает. Говорил он правильные слова о том, что советские народы связаны тесными узами, о недопустимости этнических раздоров и тому подобном. А что ему оставалось делать? Наступали решающие дни «перестройки», а ЦК КПСС был еще в силе и мог лишить его должности генсека.

Но Горбачев и Яковлев готовили серьезные изменения в управлении партией и страной — Горбачев решил пойти на разрыв с «консерваторами», главой которых считался Лигачев, и сблизиться с реформаторским крылом, которое сосредоточилось в так называемую Демократическую платформу КПСС, во главе которой стояли все

те же лидеры Межрегиональной депутатской группы — Ельцин, Попов, Афанасьев, Шостаковский. Демплатформа была создана 20–21 января 1990 г. За спиной ее организаторов тенью стоял Яковлев, хотя на конференции он не присутствовал.

5 февраля состоялся Пленум ЦК КПСС. Главными пунктами речи Горбачева на нем была мысль о преимуществах президентской системы управления, внедрение которой в СССР следовало бы изучить. Стало ясно, что он готовит для себя должность, власти и авторитета которой ему будет достаточно, чтобы в скором времени покинуть пост генсека ЦК КПСС.

Еще в 1989 г. Горбачев, Яковлев и Шеварднадзе пытались убедить членов Политбюро ЦК КПСС отменить статью 6 Конституции СССР о монополии партии на власть, но поддержки не получили. Этот вопрос обсуждался позднее на декабрьском Съезде народных депутатов, который также отверг эту идею. Парадокс состоял в том, что председательствовавший на съезде Горбачев вопреки своему убеждению тоже выступал за сохранение статьи 6 в Конституции. «Лукавил»...

Теперь настало время раскрыть карты по обоим вопросам. Развернулась ожесточенная дискуссия, продолжавшаяся все три дня заседаний. Дело в том, что оба предложения до дня открытия Пленума ЦК держались в глубокой тайне, были для членов ЦК большой неожиданностью. Именно тактика внезапности использовалась Горбачевым всякий раз, когда надо было решить какой-нибудь важный вопрос: не позволить людям вдуматься в него, широко обсудить, не дать возможности объединиться тем, кто не согласен с идеей или мерой. Эта тактика принесла успех и на сей раз: после трехдневных споров оба предложения были приняты большинством голосов.

Обе меры были воистину революционными. В одном случае (исключением статьи 6 из Конституции) КПСС лишалась монополии на власть и права управлять государственными органами и общественными организациями, во втором — создавалась высшая политическая власть абсолютно независимая от КПСС.

Через некоторое время, словно очнувшись от гипноза, члены ЦК КПСС, депутаты Верховного Совета и даже члены Межрегиональной группы стали выступать против введения президентской системы управления, указывать на то, что в принятом решении Пленума ЦК КПСС президенту дается слишком много власти.

27 февраля Верховный Совет СССР проголосовал за созыв 12 марта Чрезвычайного съезда народных депутатов, где были приняты изменения в Основной Закон СССР о создании президентской системы управления.

Став вскоре Президентом СССР после избрания Съездом народных депутатов 15 марта 1990 г., Горбачев сосредоточил в своих руках всю полноту политической, государственной и военной власти.

Странно, что Политбюро и Пленум ЦК КПСС приняли оба этих предложения, гибельных для партии и самих членов Политбюро и ЦК КПСС, но это произошло. И хотя многие из них уже подозревали Горбачева в двойной игре, зломысленное в его действиях большинством воспринималось как ошибки, естественные и неизбежные в массе дел, которыми был занят генсек. Сбивало с толку понимание политики Горбачева как однозначно предательской и то, что Горбачев все еще занимал (якобы! — *И. И.*) жесткую позицию в отношении сепаратизма компартий в Прибалтийских республиках, отстаивал принцип демократического централизма в построении партии и управления ею, выступал против легализации фракций в КПСС, а главное (!) — отвергал (якобы! — *И. И.*) частную собственность и отстаивал (якобы! — *И. И.*) идею социа-

лизма. О том, что это игра, догадывались немногие. Зачем Горбачеву, занимавшему высшие должности в государстве и партии, такая игра? Уж слишком высоки ставки в этой игре — от потери постов до смертной казни.

И все же он играл! Ибо, на его взгляд, ставка в этой игре была больше, чем жизнь: оставить след в мировой истории или уйти в небытие как неудачник.

* * *

Первый импульс к сепаратизму в СССР дали Прибалтийские республики — Литва, Эстония, Латвия. 23 августа 1987 г., в годовщину подписания секретного протокола «Молотов — Риббентроп», с разрешения властей в республиках прошли немногочисленные демонстрации протеста против их «добровольного» вхождения в состав Советского Союза. Однако с этого момента численность сторонников движения за независимость стала быстро нарастать. Поначалу тон задавали эстонцы. В республике был учрежден Национальный фронт в поддержку перестройки. Якобы. В июне 1988 г. в Литве была создана подобная организация «Саюдис» (по-литовски — «движение»). Вскоре их примеру последовала Латвия. В Эстонии и Латвии восстановили флаги и гимны республик, существовавшие до их «вхождения» в состав СССР. Горбачев и Политбюро были в замешательстве. Для успокоения прибалтов в августе Политбюро рекомендовало Горбачеву посетить эти республики. И он согласился, но за несколько часов до отъезда отказался от этой затеи. В Литву и Латвию был направлен Яковлев. Чем закончился визит Яковлева, скажем чуть позже. А сейчас порассуждаем (предположительно) о том, почему произошла эта ничем не мотивированная замена.

К сепаратизму и национализму в республиках Горбачев относился (в принципе) отрицательно, потому что (опять-таки, в принципе) в этом случае надо было применить силу. Решись он на такой шаг, это означало бы разрыв тех благоприятных отношений, которые начали устанавливаться с США и другими западными странами. Это означало бы возврат на рельсы холодной войны и — конец «перестройке» в том виде, как она была задумана заговорщиками. Ведь ни Буш, ни Тэтчер, ни Миттеран, ни Коль — никто из руководителей стран Запада не знал о действительных замыслах Горбачева и Яковлева. Разве могли они сказать своим коллегам: «Мы затеяли перестройку, чтобы уничтожить социализм и реставрировать капитализм»? Уничтожение СССР должно было выглядеть в глазах всего мира как самопроизвольный, естественный распад страны, неспособной преодолеть внутренние пороки и противоречия. Распад неизбежный во времени, не важно — раньше или позже.

Национализм, стремление к независимости республик Прибалтики и Закавказья были началом этого распада. Лигачев и другие члены Политбюро не исключали силового решения проблемы. Их поддерживали руководители КГБ и армии... Поездка Горбачева как генсека ЦК КПСС имела смысл лишь в том случае, если бы ему удалось утихомирить прибалтов. Но такой гарантии не существовало. Вернуться в Москву с поражением он не мог: в таком случае он был бы вынужден встать на сторону «консерваторов», использовать внутренние войска, а то и армию для наведения порядка. Отказаться от применения силы было равнозначно признанию: «Я за развал СССР. Вот заявление об отставке...»

Маневр был найден после тайного совета с Яковлевым: в Литву и Латвию едет не Горбачев, а Яковлев, задача которого — вернуться с благой вестью: «В Прибалтике все хорошо. КГБ драматизирует ситуацию».

Надо думать, Яковлев встретил это поручение с энтузиазмом. С самого начала он был гораздо более радикальным, чем Горбачев, умеренность которого в темпах «перестройки» порой бесила Яковлева, хотя он понимал, что утрата чувства меры, присущая Горбачеву, была спасительной для затеянной ими грандиозной авантюры.

В поездке по Литве и Латвии Яковлев встречался в основном с представителями вновь созданных националистических организаций, в речах был мягок, демонстрировал понимание намерений прибалтов отделиться от СССР. Его поведение вдохновило литовцев и латышей, они расценили его как поддержку их чаяний лично Горбачевым, хотя, по сути дела, оно было провокационным, разогревало националистические чувства.

Вернувшись в Москву, Яковлев доложил Политбюро о ситуации в Литве и Латвии в спокойных тонах, сообщил, что литовцы и латыши стоят за «перестройку».

На некоторое время обстановка разрядилась. Но это была только видимость, прибалты делали все более широкие шаги к обособлению. В ответ Горбачев дал задание подготовить поправки в Конституцию СССР с целью ограничить права республик на отделение. Ситуация вновь резко обострилась. 16 ноября Верховный Совет Эстонии принял декларацию о независимости. В ответ Горбачев собрал Президиум Верховного Совета СССР и призвал его принять эту декларацию недействительной. Эстонский акт был аннулирован.

Накал националистических страстей в республиках Прибалтики имел под собой некоторую объективную подоплеку: все три республики оказались в составе СССР не по доброй воле, а в результате договора о ненападении, подписанного между СССР (В. М. Молотов) и Германией (И. Риббентроп). «Добровольное» вхождение в состав СССР было хорошо отрежиссированным спектаклем. Это правда. По существу, Эстония, Литва и Латвия были оккупированы советскими войсками: таким образом И. В. Сталин решил чрезвычайно важную стратегическую задачу подготовки к неизбежной войне с Гитлером — отодвинуть западную границу СССР от границы с Германией. Но какое дело было жителям Прибалтийских республик до сталинской стратегии? Да и зарубежным странам? США так и не признали присоединения Литвы, Латвии и Эстонии законным актом — все сорок с лишним лет вплоть до «перестройки». В ходе холодной войны спецслужбы США, как могли, подогревали националистические побуждения прибалтов. Теперь же, когда согласно «новому мышлению» Горбачева Советский Союз все больше открывался навстречу западной идеологии и западным ценностям, ЦРУ и пропагандистская машина США нацелили свои усилия на самое слабое звено Союза Советских Социалистических Республик — на Прибалтику. В сентябре 1987 г. председатель КГБ СССР Чебриков обвинил западные разведывательные службы в том, что они будоражат сознание национальных республик.

7 марта 1990 г. лидеры «Саюдиса» попросили Мэтлока о встрече. И она состоялась. Мэтлок пишет: «Поставив гостей в известность, что, к сожалению, мне скоро придется удалиться, я заметил (для подслушивающих устройств КГБ, равно как и для литовцев), что все мы должны с особым тщанием следить за тем, чтобы эта встреча и подобные ей не были неверно поняты. Мы, американцы, не собираемся одарять их советами, как решать и поступать в конкретных случаях, и ничто из сказанного нами не следует воспринимать как такие советы. Для обеих наших стран важно, чтобы не складывалось впечатление, будто все происходит по американской указке. Развитие политической ситуации в Советском Союзе, добавил я, идет быстрыми темпами, а это

означает, что все участники должны поступать с величайшей осмотрительностью. После этого я спросил, каковы намерения гостей.

Ландсбергис объяснил, что они пришли проинформировать нас о готовящемся созыве на выходные литовского Верховного Совета, который, скорее всего, провозгласит независимость. У литовцев два вопроса: во-первых, как отнесутся Соединенные Штаты к провозглашению независимости, во-вторых, имеется ли между Соединенными Штатами и Советским Союзом какое-либо понимание в национальном вопросе.

Провозглашение независимости, ответил я, не приведет, как я уже имел случай сообщить некоторым из членов группы прошлым летом, к автоматическому признанию со стороны Соединенных Штатов.

Что касается второго вопроса, то... мы постоянно вновь и вновь ставили советские власти в известность о нашем отказе признавать Прибалтийские государства в качестве части Советского Союза, и эта позиция не претерпела изменений» (там же: 267–268).

Надо ли говорить, что на свои вопросы литовцы получили вполне удовлетворительный и поощряющий их ответ?

* * *

Постоянного представительства США в Литве не было, но американцы «...держали в Вильнюсе по крайней мере двух дипломатов на временной основе для наблюдения за событиями» (там же: 280).

* * *

Президент Буш в конце марта 1990 г. направил Горбачеву личное послание. «В послании Буш ясно дал понять, что, испытывая нарастающее давление, он вынужден предпринять что-то более существенное в связи с Литвой, и предложил для выхода из создавшегося тупика рассмотреть возможность проведения референдума, если обе стороны заранее обещают считаться с его результатами. Днем должно было состояться заседание Совета Федерации, и Буш хотел, чтобы Горбачев получил письмо до начала заседания, так как Совет мог принять какие-либо решения в отношении Литвы. Мне (Мэтлоку. — *И. И.*) поручалось обсудить послание с Яковлевым и более детально подкрепить предложения президента» (там же: 284).

* * *

О том, что американцы активно участвовали в «перестройке», вмешиваясь в перемены во всех сферах общества, но особенно в политический процесс, явствует не только из выступлений работников советских спецслужб, но даже из реплик Горбачева.

9 апреля 1990 г. посольство США в СССР подготовило визит семи американских сенаторов во главе с Джорджем Митчеллом, лидером демократического большинства в Сенате. Разговор Горбачева с американцами шел в основном о независимости Литвы. Под занавес встречи Горбачев заметил: «Не все зависит от нас... Дело обстоит куда серьезнее. Многие ищут способ заменить нынешнее руководство, так что, возможно, надежда (у литовцев. — *И. И.*) есть. Между прочим, они наведывались к послу Мэтлоку перед тем, как провозгласить свою независимость и, может, снова это сделают. Им, кажется, нужен его совет, **вот только не знаю я, что он им говорит**» (там же: 288). Горбачев сказал это при Мэтлоке, который ответил на русском языке, соврав: «Они не просили совета и не получили его» (там же).

2 июня 1990 г. завершалась встреча на высшем уровне в Вашингтоне. Мэтлок, участвовавший в ней, решил улучшить момент и перекинуться с Горбачевым парой слов в сторонке. Он спросил Горбачева, считает ли он, что в будущем сможет работать с Ельциным. «Это вы мне скажите, — ответил Горбачев, пожимая плечами. — Вы его в последнее время чаще видели, чем я».

«Это полунасмешливое замечание, — пишет Мэтлок, — представляло собой типичный для Горбачева прием, когда ему хотелось уйти от трудного вопроса... Из его слов можно было понять, будто я играю какую-то роль в советских внутренних политических интригах, что могло быть как комплиментом, так и предостережением, поскольку для посла рискованно ввязываться во внутреннюю политику. Оставляя же намеки в стороне, я знал, что сказанное Горбачевым было правдой: в последние несколько месяцев я виделся с Ельциным чаще, чем он» (там же: 304).

* * *

Весной и летом 1990 г. Мэтлок побывал в Молдавии и Узбекистане, Туркменистане и Казахстане, а также в ряде автономных республик России, таких как Удмуртия и Бурятия (там же: 324).

«Сепаратистские чувства, охватившие теперь большинство союзных республик, проникали и в самую РСФСР, — пишет Мэтлок. — Руководители ряда “автономий” в России также стали заявлять права на суверенитет. В августе Карельская АССР провозгласила суверенитет. Верховные Советы еще шести АССР, от Удмуртии и Татарстана до Якутии (переименованной в Саха) и Бурятии, проголосовали за суверенитет. Многие к тому же сменили свои официальные названия, избавившись от термина “автономные” и став именовать себя “Советскими Социалистическими Республиками” — точно так же, как и союзные республики. Это было более чем просто символ, ибо со сменой наименования пришли требования таких же прав, каких домогались и союзные республики: контроль над природными ресурсами и хозяйственной деятельностью, исключительное право сбора налогов и — зачастую — право на отделение.

Ненависть к централизованному управлению была такова, что лихорадка суверенности охватывала все меньшие и меньшие образования, включая “автономные” области и округа, некоторые из которых имели крошечное население» (там же: 330).

* * *

В начале июля собрался XXVIII съезд КПСС. Одни ушли сами, другие были вытеснены Горбачевым. Политбюро покинули Шеварднадзе, Яковлев, Рыжков, Лигачев. Горбачев остался генсеком, но за него проголосовали 3 тыс. 411 человек, против были 1 тыс. 116 человек. Лигачев уходил с шумом: он призвал Горбачева уйти в отставку с поста генерального секретаря, а потом составил конкуренцию Ивашко (первый секретарь ЦК КП Украины) на пост заместителя генерального секретаря, проиграл, но получил приличное количество голосов.

Выступавшие на съезде резко критиковали Горбачева за внешнюю политику. «Раздавалось все больше и больше голосов, обвиняющих Горбачева с Шеварднадзе в том, что их согласие на воссоединение Германии привело к утрате Восточной Европы, к разбазариванию плодов победы во Второй мировой войне» (там же: 324). Хотя процессом объединения двух Германий фактически руководил госсекретарь США Бейкер.

Вот как пишет об этом Мэтлок.

«При активном содействии канцлера Коля и молчаливом согласии других союзников по НАТО Бейкер свел в один большой пакет изменения в структуре и доктрине НАТО и передал его Горбачеву, когда они встретились в мае в Москве. Это будут, объяснил он, новая Германия и новая НАТО. Лихорадочно изыскивая способ оградить внутреннюю политику от взрывоопасных проблем, возбуждаемых германских вопросом, Горбачев представил советской общественности НАТО в менее угрожающем виде. Шеварднадзе нанес официальный визит в штаб-квартиру НАТО в Брюсселе и благожелательно отозвался о вкладе НАТО в европейскую безопасность. Он также пригласил генерального секретаря НАТО Манфреда Вернера посетить Москву.

<...> Как только закончился советский партийный съезд, Горбачев стал действовать стремительно, завершая сделку по Германии. В июле, под самый конец советского партийного съезда, генеральный секретарь НАТО Вернер прибыл с официальным визитом в Москву. Поджидая вместе с другими послами его в аэропорту, в месте, отведенном для прибывающих глав государств, я с удивлением разглядывал на флажках флаги НАТО. Едва ли пять лет минуло с той поры, когда была развернута ожесточенная советская пропагандистская кампания, поносившая НАТО как зловредный, агрессивный альянс, желающий развязать новую мировую войну. А теперь вот ее генерального секретаря принимают с почестями, оказываемыми главам государств, а альянс изображается важным компонентом международной системы мира и безопасности.

<...> 15 июля канцлер Коль прибыл в Советский Союз на встречу с Горбачевым, вначале в Кисловодск, поблизости от родных мест Горбачева, а затем в Москву, и сделка была заключена.

<...> Горбачев мог бы надуться и отказаться участвовать в выработке таких документов. Поступи он так, и перед немцами встала бы дилемма: либо членство в НАТО, либо объединение, но никак не то и другое вместе — во всяком случае, не то и другое сразу.

<...> Бейкер организовал усилия дипломатии, определив, что немцам следует позволить самим прийти к договоренности по внутренним вопросам и защитить их от нажима выйти из НАТО, но и Горбачеву следовало обеспечить политическое «прикрытие», коль скоро требовалось склонить его к подписанию» (там же: 319–321).

Склонили! Горбачев подписал... предал. И нашу Великую Победу над фашистской Германией. И ГДР — самого верного союзника СССР в стане социалистических стран в Восточной Европе...

Традиционная политика СССР относительно стремления США проникнуть в Европу и руководить ею заключалась в том, чтобы воспрепятствовать этому. «Новое мышление» Горбачева отринуло такой подход, утверждая, что присутствие США в Европе выгодно для СССР. Все «послеперестроечные» и нынешние времена, когда США управляют НАТО и Европой, показали, насколько наивным было его «новое мышление», какие страшные последствия таило оно в себе для Европы, России и всего мира.

США участвовали и в формировании экономической политики «перестройки», начиная с 1990 г. — особенно. Мэтлок пишет: «...президент Буш предложил направить в середине сентября в Москву для обсуждения торговых и инвестиционных возможностей министра торговли Роберта Мосбахера с группой руководителей корпораций.

Горбачев был, разумеется, в восторге, поскольку все очевиднее становилось, что его хромающей экономике нужны вливания капитала и управленческий опыт Запада. <...> Это был ловкий способ обратить внимание Горбачева на экономические выгоды, которые СССР может преумножить, сотрудничая с Соединенными Штатами» (там же: 344).

Однако еще в силе были Правительство СССР во главе с Рыжковым, Госплан СССР, возглавляемый Ю. Маслюковым, которые являлись сторонниками разумных и постепенных экономических реформ, выступали против программы Шаталина — Явлинского «500 дней», предполагавшей быстрое разгосударствление и приватизацию, а также возможность продажи иностранным инвесторам советских предприятий.

Рыжков отфутболил американскую бригаду «купцов» к Маслюкову, а тот, в свою очередь, пообещал им составить список объектов для продажи, но в конце концов «замотал» американцев обещаниями, оставив их с носом. Горбачев, поначалу одобрявший программу Шаталина — Явлинского «500 дней», после долгих раздумий отверг ее из-за ее крайнего радикализма. На мой взгляд (и много лет назад, и нынешний), в этом случае он был прав. Другое дело, почему он поступил так, а не иначе. Радикализм (быстрый переход к частной собственности и утрата централизованного управления народным хозяйством) неизбежно породил бы общественный протест, беспорядки, включая демонстрации и забастовки. Это грозило Горбачеву утратой власти. А это было самое страшное для него и его попутчиков по развалу страны. Горбачев снова начал маневрировать.

Мэтлок пишет: «Наши посольские экономисты не были столь безрадостны, как советское правительство. Они считали, что в стране достаточно продовольствия, чтобы избежать голода, хотя в некоторых районах рацион, возможно, окажется ограничен. Беда была не столько в общей нехватке продовольствия, сколько в расточительной и беспорядочной системе доставки.

<...> Мы из посольства докладывали в Вашингтон, что не предвидим условий, чреватых голодом, хотя продовольственная помощь некоторым местностям и таким уязвимым группам населения, как сироты и старики, была бы полезна и желанна» (там же: 365–366).

* * *

«Чебриков время от времени публично выражал недовольство тем, что Соединенные Штаты ведут тайную подрывную деятельность против Советского Союза. Между тем после того как на смену ему пришел Владимир Крючков, подобные публичные обвинения стали редки.

В 1990 г. полковники Виктор Алкснис и Николай Петрушенко принялись уверять, будто ЦРУ истратило “миллиарды” на расшатывание Восточной Европы и ее отторжение от советской орбиты. Алкснис еще и заявлял, будто располагает доказательствами тайного плана ЦРУ развалить Советский Союз. ...Мелкие группировки сталинистов и крайние шовинисты взялись... даже утверждать, будто Горбачеву, Яковлеву и Шеварднадзе платит ЦРУ.

<...> Я понимал, что Алкснис — это нетипичный экстремист, однако подозревал, что куда больше представителей советского офицерского корпуса разделяют его умонастроения, чем нам — или Горбачеву — хотелось бы верить.

<...> С горбачевским “уходом вправо” КГБ вновь обратился к ширококвещательным обвинениям западных секретных служб в попытках расчленить Советский Союз. В де-

кабре Крючков выступил с двумя речами, в которых затронул тему подрывной деятельности США. Эти обвинения были возмутительно неуместны: они... оказались лживыми.

В конце декабря я попросил о встречах с председателем КГБ Крючковым. Встреча с Крючковым состоялась сразу после Нового года, 3 января.

<...> Крючков слушал меня внимательно. Когда же я умолк, он помолчал, глянул мне прямо в глаза и сказал, что его выступление на Съезде народных депутатов было составлено **тщательно и, на самом-то деле, смягчено**» (там же: 370–371).

С середины ноября 1990 г. тональность внутренней политики изменилась: Горбачев стал действовать более жестко. В первой половине этого месяца войска МВД СССР захватили в Риге здание типографии Госиздата. Человеком, отдавшим приказ на эту акцию, называли Бориса Пуго, министра внутренних дел СССР. Горбачев молчал, но все понимали, что без его согласия Пуго не решился бы на этот шаг.

Горбачев **был вынужден демонстрировать жесткость**: его популярность в народе падала. Если в декабре 1989 г. 52% опрошенных заявляли, что они полностью одобряют деятельность Горбачева, то к маю 1990 г. таких было 39%, к июлю — 28% и к октябрю — 21%. В конце 1990 г. по опросу ВЦИОМ «Человеком года» 32% назвали Ельцина и только 19% — Горбачева (там же: 375). Горбачев оказался в ситуации **политического выживания**. Он дистанцировался от «демократов», от Ельцина, действовавшего громкогласно и нахраписто. Дело было не только в том, что он затемнял образ Горбачева в общественном мнении. Горбачев утрачивал поддержку в партии, ЦК КПСС, среди народных депутатов. **Могла сложиться ситуация, когда его свергли бы с обоих высших постов — генсека и президента**, причем совершенно законным образом. **Голоса, призывающие к такому шагу, раздавались уже давно**, звучали все громче и настойчивее.

Со второй недели января 1991 г. Горбачев стал **зажимать Литву в тиски**. 10 января он издал указ, в котором Верховный Совет Литвы обвинялся в нарушении Конституции СССР и стремлении возродить капитализм. Горбачев требовал отменить все законы, принятые литовским Верховным Советом. 11 января советские войска стали занимать здания литовского пресс-центра и литовских служб безопасности.

Ночью 13 января спецподразделение КГБ «Альфа» пошло в атаку на телебашню в Вильнюсе и захватило ее. Было убито немало гражданских лиц, сотни — ранены. Готовился штурм парламента. Помню до сих пор то напряжение, которое возникло в обществе в тот день. Все говорили только об этом событии, и у всех на устах был один и тот же вопрос: «Кто отдал приказ?» Хотя ответ был вроде бы ясен: «Главкомандующий. Без его ведома ни один офицер не прикажет поднять оружие против граждан своей страны. Это — Горбачев». И когда мы услышали слова Горбачева о том, что он такого приказа не отдавал, что он сам узнал о происшедшем среди ночи, никто ему не поверил. Было ясно, что он либо трусит сказать правду и жлет, либо военные и КГБ вышли из-под его контроля. И то, и другое говорило о нем плохо. Его авторитет таял...

Описывая это событие, Мэтлок отмечает в своем дневнике: «Почему так? Горбачев не смог бы получить твердой поддержки Совета Федерации на такую акцию? Начало такой военной акции... отдает либо **жутким двуличием**, либо (допустимо ли такое?) тем, что решение принимал не Горбачев и события вышли из-под его контроля. Или большая часть этого была **спланирована заранее**? Мог ли Шеварднадзе знать об этих планах, когда уходил в отставку? Но если так, **зачем он продолжал работать**, когда это

происходило?» (там же: 381). Вот именно — жуткое двуличие. Событие — им спланированное...

Думаю, в данном случае удивление Мэтлока искреннее. О Заговоре он, как и все его начальство, не знал. Никто и не должен был знать, несмотря на то что Яковлев был «на крючке» у ЦРУ. Что он мог сообщить своим шефам в самом его начале? Что в высшем руководстве есть группа из трех радикально настроенных человек, которые хотят преобразовать экономику СССР «в рамках социализма», как говорил Горбачев? Здесь не было секрета, поскольку эта цель была официально определена на съездах и пленумах партии. Как далеко пойдет в «перестройке» Горбачев, решится ли он на политические перемены, долгое время было неизвестно. Задача Яковлева как «крота» заключалась как раз в том, чтобы шаг за шагом подталкивать Горбачева к этим переменам. А когда экономика **перешла на рыночные (хоть и квази...) отношения, когда была введена частная собственность**, стало совершенно ясно, что на очереди — перемены в политической системе.

Лишение КПСС монополии на власть, создание новой площадки высшей политической власти — введение института президентства — вполне соответствовали стратегии «перестройки», в основе которой находились идеи «диктовки» и записки Яковлева «Императивы политического развития» на имя Горбачева.

И тут тоже не было никакого секрета. Казалось, что все происходит естественным путем, стихийно. Хаос в умах и жизни общества способствовал такому восприятию действительности. Хотя на самом деле события развивались в русле, взятом в железо и бетон яковлевского замысла. Вероятно, в спорах с Горбачевым, который раз за разом был вынужден уступать логике яковлевских рассуждений, поскольку то в одной, то в другой, то в третьей сферах перемены в экономике уже перешли **линию невозврата** и противоречить им было столь же глупо, как доказывать, что в Сибири зимой не бывает морозов. Удивления и потрясения, которые то и дело испытывали Рейган, Буш и Бейкер **от множества уступок в одностороннем порядке**, относились ими на счет «нового мышления», «звездной болезни» Горбачева. Над его наивностью, думаю, они меж собой посмеивались.

Одним словом, нередко Горбачев был предателем бессознательным, или поневоле. Но при этом никогда не забывал, что в этой «команде» он — человек №1; что все в конечном счете зависит от его воли, а главное, пока он при власти, у «руля».

«В дни вильнюсских событий еще выше взошла политическая звезда Ельцина. Он заявлял, что наступает диктатура, о которой говорил Шеварднадзе, откровенно намекая на Горбачева, который мешает демократическим реформам.

В связи с событиями в Вильнюсе Буш направил Горбачеву письмо, в котором, как пишет Мэтлок, обозначались шаги, «которые придется предпринять президенту США, если сила по-прежнему будет в ходу в Прибалтийских государствах. Текст письма посольство получило в виде телеграммы перед самой полночью 23 января» (там же: 393).

На следующее утро Мэтлок обратился с просьбой о встрече с Горбачевым для вручения письма. 25 января Горбачев принял Мэтлока. На встрече присутствовал только помощник Горбачева Черняев. После обмена мнениями Горбачев сказал: «"Постарайтесь помочь вашему президенту понять... что мы на грани гражданской войны. Моя главная задача как президента предотвратить ее", — пишет Мэтлок. — Временами ему придется делать такое, что могло бы показаться необъяснимым. Следует ожидать периода, когда нужно будет "петлять то туда, то сюда"» (там же: 395–396). Горбачев

подчеркнул, что он не является чьим-то заложником, что ему трудно иметь дело с Ельциным; что он будет продолжать действовать так, как обещал. Главное его желание — устроить дома все так, чтобы **коренные перемены** не сопровождались актами насилия, и он **никогда не отойдет от поставленных себе целей**. (Вот суть! «Поставленные себе цели!» — *И. И.*). Ситуация и в самом деле была аховая.

20 января в Москве прошла самая крупная за все времена демонстрация, организованная движением «Демократическая Россия»: на улицы вышли более 300 тыс. человек. Они протестовали против насилия в Литве и Латвии, требовали отставки Горбачева.

Кабинет министров СССР Павлова, назначенного вместо отправленного в отставку Рыжкова, объявил недействительными все пятидесяти- и сторублевые банкноты. В течение нескольких дней население должно было обменять их. Павлов в интервью газете «Труд» заявил, что эта акция против заговора иностранных банков, державших (якобы?) у себя 8 млрд рублей, которые они намеревались неожиданно вбросить в оборот, чтобы вызвать резкое повышение инфляции и сбросить правительство, поскольку Павлов отвергал частную собственность, отстаивал плановую экономику. Павлов считал, что такой шаг сорвет замысел заговорщиков. Между тем дела в советской экономике шли все хуже, население страны возмущалось «перестройкой» и лично Горбачевым. Эту ситуацию не мог не использовать Ельцин.

19 февраля 1991 г. как народный герой он выступил по Центральному телевидению, заявив, что Горбачев ведет страну к диктатуре, что он должен уйти в отставку. Ельцин мстил Горбачеву за все унижения, которые претерпел от него: снятие с должности первого секретаря Московского горкома партии, изгнание из состава Политбюро в политическое небытие...

...Хорошо помню этот период, поскольку часто посещал гостиницу «Москва», в которой жил депутат Верховного Совета СССР от Украины, председатель Комитета Верховного Совета по делам молодежи Валерий Цыбух, а через стенку от его номера располагался служебный номер Ельцина как заместителя председателя Госстроя СССР. Ельцин мучился бездельем, охотно соглашался на встречи едва ли не с каждым, кто хотел поговорить с ним. Цыбух несколько раз предлагал мне встретиться с Ельциным, но я отказывался. Мне он был противен по многим причинам.

Я знал о Ельцине из рассказов секретаря Московского горкома партии Леонида Ивановича Матвеева, с которым мы в ту пору дружили семьями. По его словам, Ельцин заставил городское управление КГБ установить подслушивающие устройства в кабинетах секретарей горкома партии, а также в «предбаннике» зала заседаний Бюро горкома КПСС, где до начала заседаний и в перерывах собирались и обменивались мнениями члены бюро...

«Что такое» Ельцин, мне рассказывал Владимир Андреевич Житенев, работавший секретарем Свердловского обкома партии в ту пору, когда «первым» в этом обкоме был Ельцин, и они были тогда довольно близки друг другу...

Я немало слышал о Ельцине за то время, когда в 1983 — начале 1984 г. работал секретарем парткома Высшей комсомольской школы при ЦК ВЛКСМ. Некоторые работники горкома партии приезжали ко мне для консультаций как к эксперту по молодежным проблемам. Конечно, они могли вызвать меня в горком, но им хотелось пооткровенничать, а делать это в своих кабинетах они опасались...

В ноябре 1988 г. гонимый Горбачевым Ельцин выступал в Высшей комсомольской школе. Тогда я был уже директором Научно-исследовательского центра при

ВКШ, членом парткома ВКШ. У меня сохранилась аудиозапись его выступления... Сказать одним словом, выступление это — вопль отчаявшегося в политическом изгнании сверхамбициозного человека с интеллектом прораба стройки гражданских объектов.

Но это было первое публичное выступление реформатора-скандалиста, на которое собрались десятки журналистов. На следующий день в центральных газетах, в радио- и телепрограммах звучала главная мысль: «Ельцин вернулся в политику! Теперь перестройка пойдет совсем другими, ускоренными темпами!..»

...И вот теперь, всего-то через два года с небольшим, Ельцин мстил Горбачеву. По сути дела, он объявлял ему политическую войну. Вот как пишет об этом Мэтлок: «Трещина между Горбачевым и советскими интеллигентами, этими любимцами на первом этапе перестройки, к январю 1991 года пролегла почти окончательно. Всего год назад большинство из них, как и прежде, связывали с Горбачевым свои лучшие надежды на реформу, видя в Ельцине избыток ненадежности, слишком великое усердие потакать толпе для того, чтобы проложить разумный курс. Союз, установленный ими в то время с Ельциным, был скорее тактический, нежели стратегический. Однако в 1991 году, разочаровавшись в Горбачеве, обратившемся к насилию, и задетые за живое призывом Шеварднадзе “вылезти из кустов”, они пачками стали уходить от Горбачева и присоединяться к команде Ельцина. Горбачев, похоже, не в силах был понять причин этого, хотя для большинства они были вполне очевидны. Вместо этого он вскармливал в себе ощущение измены» (там же: 406).

На встрече с Черняевым 11 февраля 1991 г. Мэтлок сказал: «Что до нашего восприятия происходящего, то мы попросту не в силах пройти мимо вывода, что являемся свидетелями изменения в политике по сравнению с прошлой осенью. Мы видим все большую опору на средства подавления и все больше уступок тем, кто этими средствами распоряжается. Мы видим откат в переговорах по контролю за вооружениями, даже тогда, когда соглашения уже формально подписаны. Мы видим более суровое обращение с критиками внутри страны, а шаблон правительственных назначений дает основание предполагать более жесткую и консервативную линию» (там же: 408).

В конце февраля 1991 г. Горбачев находился в Белоруссии. Вот как описывает Мэтлок содержание выступлений Горбачева во время этой поездки. «Горбачев, меж тем, занятый мыслями о борьбе с Ельциным и о разладе с реформаторами-интеллектуалами, похоже, забыл, где он находится. Мельком упомянув о Чернобыле, он зато весь свой запал обрушил на реформаторов-интеллектуалов, обвинив их не только в попытках подорвать социализм, восстановить капитализм, но и в прислуживании в качестве пятой колонны враждебным зарубежным силам. Повторяя бездоказательные обвинения, выдвинутые Крючковым в декабре, он заявил, что реформаторы используют фальшивые лозунги “для прикрытия далеко идущих происков, которые в ряде случаев родились в зарубежных “мыслительных танках” и в чужих головах”» (там же: 410). (Он, конечно, «лукавил», «главный прораб». — *И. И.*)

Размышляя об эволюции взглядов Горбачева, я (иногда) думаю, что это был чрезвычайно сложный и трудный процесс постепенного раздвоения его сознания и личности. Горбачев-коммунист не переставал спорить с Горбачевым... Кем был становящийся «другим» Горбачев? Диссидентом-«инакомыслом»? Да нет, сказать так — мелко будет. «Другой» Горбачев не только мыслил «не так, как надо»: не по-марксистски, не по-ленински. Этот «другой» Горбачев действовал не так, как надо

бы действовать, если он возглавлял 18-миллионную Коммунистическую партию Советского Союза, был неформальным лидером правящих партий десятков стран, в основе идеологий которых лежал этот самый марксизм-ленинизм. Этот «другой» Горбачев возомнил себя умнее Маркса и Ленина, не говоря уже о Сталине. А так ли это на самом деле? Кто назовет научные труды Горбачева, им самим написанные? Доклады, речи и статьи, составившие собрание сочинений Горбачева, созданы прислуживающим ему «мозговым центром». В нем — полтора-два десятка академиков и его помощников, и только. А чем прославился каждый из них в отдельности? А если и обрел какую-то известность, так среди советского народа своими произведениями о социализме и коммунизме... Теперь «другой» Горбачев решил «сыграть» не в социализм, а в другую игру. И вот те же самые участники «мозгового треста» подыгрывают ему. Почему? Потому что Горбачев-коммунист во власти, раздаёт должности, чины и привилегии, но смысл и цели игры они, кроме трех «посвященных», не знают. Условное название: игра — «совершенствование социализма». Но разве можно себе представить, чтобы США и К^о — злейшие враги СССР, станут помогать ему сделать так, чтобы «усовершенствованный» социализм стал еще крепче, еще могущественней? Даже подумать так смешно! Но ведь помогают!.. Значит, происходящее с СССР, т. е. то, что делает «другой» Горбачев, в их интересах. И кто же тогда ты, Горбачев? Ренегат, оппортунист. Предатель. Это Горбачев-«другой» понимал, и наедине с собой ему наверняка становилось страшно; достаточно потерять власть — и ты у стенки...

Вот тут и вырывался на передний край Горбачев-коммунист, раненый, но еще не убитый. И тогда из уст Горбачева вырывались слова правды о «попытках подорвать социализм», «восстановить капитализм», о «пятой колонне» и «враждебных зарубежных силах». И когда Горбачев-коммунист произносил их, он не врал, был честен и искренен. А когда звонил Буш, приезжали Бейкер или Мэтлок, с ними разговаривал Горбачев-«другой». И он тоже был честным и открытым.

А между тем американцы чувствовали себя в СССР как дома. Не тратя время на всякого рода дипломатические тонкости, они, по существу, управляли процессом завершения «перестройки», сказать точнее — уничтожения социалистического общественного строя за спиной ЦК КПСС, всей партии и всего советского народа, прямо на глазах у Горбачева.

В середине марта 1991 г. Бейкер прибыл в Москву. **Посольство США пригласило руководителей 12 республик СССР**, за исключением Прибалтийских, в Спасо-Хауз (лидеры Литвы, Латвии и Эстонии были приглашены на отдельную встречу).

Горбачева на эту встречу не приглашали, и вопрос об участии в ней еще подчиненных «центру» республик с ним не согласовывали. Свое неудовольствие по этому поводу Горбачев выразил тем, что не разрешил присутствовать на этой сходке министру иностранных дел Бессмертных, главному редактору газеты «Известия» Ивану Лаптеву, своим помощникам Вадиму Бакатину и Евгению Примакову. Это все, на что он мог решиться. В своей стране он уже не был хозяином...

Ельцин вместо себя прислал Владимира Лукина, председателя Комитета Верховного Совета РСФСР по международным отношениям.

Как пишет Мэтлок, «ужин прошел успешно», настроение было настолько критическим по отношению к Горбачеву, что Бейкер встал на его защиту, напомнив гостям, что этого ужина не было бы без реформ, начатых по инициативе Горбачева» (там же: 411–412).

Получив письмо Буша для передачи Горбачеву, Мэтлок вскоре встретился с ним. Им было о чем поговорить. Но главное в другом. «Горбачев... пустился в плохо связуемые рассуждения о том, что нас Ребеккой очень высоко ценят, что люди уделяют нам много внимания и это хорошо, но это означает, что нам следует весьма серьезно относиться к политической значимости наших контактов, — пишет Мэтлок. — Хотя прямо этого он и не сказал, но суть, похоже, заключалась в том, что нам не следовало бы слишком уж якшаться с людьми из окружения Ельцина, а вместо этого проводить побольше времени с людьми, которым Горбачев доверяет, — как будто их легко отличить: сегодняшний облеченный доверием советник на завтра мог считаться предателем» (там же: 413–414).

* * *

«Перестройка» еще летом 1990 г. прошла линию невозврата. Яковлев вышел из состава Политбюро, а после ликвидации Президентского совета оказался не у дел. Шеварднадзе отошел от Горбачева еще раньше. Между тем ситуация в экономике и внутривнутриполитической жизни страны продолжала ухудшаться. 9 апреля 1991 г. Горбачев выступал в Совете Федерации Верховного Совета СССР, его речь была исполнена крайнего пессимизма. «Ситуация такова, — сказал он, — что над страной нависла опасность. Это опасность для нашей государственности, советской федерации... Опасность распада экономики со всеми вытекающими отсюда последствиями для интересов народа, обороноспособности страны, опасность разрушения. Сейчас надо действовать... отложив в сторону распри. Действовать, чтобы не допустить скатывания страны к катастрофе» (там же: 420).

Неделю назад Горбачев подписал указ о резком повышении цен на товары первой необходимости: хлеб, молоко, яйца и мясо, одежду. Стоимость их возросла вдвое и втрое. При этом денег у многих городских жителей все равно было достаточно, но полки магазинов были полупустыми, в дефиците было едва ли не все, чего ни коснись, даже спички, не говоря об алкогольных напитках.

Еще до повышения цен по стране начала катиться волна забастовок. Особенно остро давали себя знать сплотившиеся шахтеры Украины, Казахстана, Новокузнецка и Воркуты — в России. Их требования носили не только экономический, но и политический характер, и прежде всего — **отставку Горбачева**, который завел страну в тупик, в кризис. 22 апреля Павлов представил Верховному Совету антикризисную программу с прогнозом, что внутренний национальный продукт СССР в 1991 г. упадет на 25%. Из откликов газет, телевидения, радио и социологических опросов следовало, что рабочие больше верят Ельцину, чем Горбачеву, и все меньше в социализм. Тем не менее сторонники социалистического пути развития общества во главе с Лигачевым стояли за возврат к плановой экономике, требовали **привлечь Яковлева, Шеварднадзе и Бакатина к ответственности за провалы в идеологии, внешней политике и безопасности государства, а также за вступление в заговор с Соединенными Штатами с целью уничтожения СССР**.

На этом фоне Ельцин становился все более радикальным. Он требовал еще более урезать военный бюджет, ввести в полном объеме частную собственность, приватизировать государственные предприятия. Это отвечало интересам и целям США, и, поскольку Горбачев все еще не решался на такие шаги, качнулся в своей политике влево, американцы стали размышлять о том, не стоит ли им сделать ставку на Ельцина. «18 апреля, — пишет Мэтлок, — президент Буш принял меня в Овальном кабинете

те... и большую часть времени я рассказывал ему об отношениях между Ельциным и Горбачевым» (там же: 430). В итоге Буш согласился на встречу с Ельциным, когда он будет в Вашингтоне.

Понимая, что проигрывает Ельцину, Горбачев стал искать компромиссы. Первым его результатом стал так называемый Новоогаревский процесс: 23 апреля на правительственной даче в Ново-Огареве Горбачев собрал глав **девяти** республик, включая Ельцина. Итогом продолжительной работы стало соглашение о том, что надо заключить новый союзный договор между **суверенными государствами**. Это была **крупная уступка** Горбачева республикам, стремление которых к независимости возрастало с каждым днем. Вопрос о независимости Литвы, Латвии, Эстонии, Грузии, Молдовы, Армении и Азербайджана уже не стоял — они отказались от участия в переговорах о новом союзе.

Сторонники жесткой линии в КПСС открыто заявляли, что сбросят Горбачева с должности генсека, а потом и с поста президента. Попытки совершить этот ход были предприняты на очередном Пленуме ЦК КПСС. Но Горбачев начал маневрировать задолго до начала его работы (антикризисный план Павлова, соглашение в Ново-Огареве и др. несколько укрепили позиции Горбачева), и хотя апрельский Пленум проходил в жесткой, яростной борьбе, Горбачев сохранил за собой занимаемый пост лишь угрозой, что он готов уйти, но тогда развалится сама партия, а значит, исчезнут ЦК КПСС и Политбюро...

Близился финал «перестройки». Это понимали многие политики, но прежде всего Горбачев со своими ближайшими «соратниками» — Яковлевым и Шеварднадзе, которых он снова вернул во власть: Яковлев получил должность главного советника президента, а Шеварднадзе вернулся на свою прежнюю должность министра иностранных дел. Они начинали, им и завершать задуманное втайне.

Для каждого из этой «тройки», как и перед всеми членами горбачевской команды (особенно перед самим Горбачевым), стоял элементарный житейский вопрос: когда и чем закончится «перестройка», а стало быть, где и кем они будут работать, как будут жить дальше? Уже не надо было врать, что цель перестройки — совершенствование социализма, но как закончить ее таким образом, чтобы сохранить за собой высшую власть в новом Союзе, который не имел еще никакого названия и никак не хотел складываться. Думаю, что во всех стараниях Горбачева мысль сохранить Союз хоть в каком-то виде, где он — наверху, на заключительном этапе «перестройки» была главной. Надо полагать, он понимал, что скопировать Соединенные Штаты Америки никак не удастся, хотя главным «помощником» в его «перестройке» были именно США...

Что «перестройка» находится на финишной прямой, отдавали себе полный отчет и американцы. Только им, что бы они ни говорили в те месяцы и сейчас, было глубоко наплевать на судьбу Горбачева и К^о. Они были близки к той цели, которую сформулировали их далекие предшественники в начале века и после Второй мировой войны: уничтожить СССР как главного геополитического противника, нанести максимальный ущерб идее коммунизма. И какое значение при этом имеют судьбы нескольких человек и самого зачинщика внутреннего саморазрушения ненавистного советского строя, назовись он хоть Горбачевым и Яковлевым, Ельциным, Кравчуком, Шушкевичем или как-то совсем по-другому, со всеми их амбициями, мечтами и несчастьями? Главное в этот момент — довести эту страну до полного развала. И все, кому положено, старались изо всех сил.

Мэтлок пишет: «Весной и летом 1991 года советско-американские контакты приобрели **невиданный размах...** Наши **министры** иностранных дел встречались **по нескольку раз в месяц**, а наши **президенты** беседовали по телефону почти каждую неделю. Когда я был в Москве, я каждый день встречался с одним, а то и с несколькими советскими руководителями — если не с президентом или премьер-министром или министром иностранных дел, то по крайней мере с их старшими помощниками» (там же: 442).

Понимая умом, но, не желая принимать душой весь трагизм происходящего, Горбачев все еще продолжал играть роль политической суперзвезды мирового масштаба: просился в состав «семерки» наиболее развитых стран, раздражался, что Буш не едет в СССР на саммит, спорил по поводу соглашений о сокращении обычных вооружений в Европе, просил у США и других стран миллиардные кредиты.

В разговоре с Мэтлоком, пришедшим к Горбачеву 7 мая попрощаться в связи с отъездом из Москвы, он неожиданно спросил: «Почему вы решили сейчас уезжать?.. Возможно, вы думаете, что корабль идет ко дну?». Это был невольно вырвавшийся крик души (там же: 444).

* * *

Антикризисный план Павлова не работал. В очередях люди проклинали «перестройку» и Горбачева. И тогда он решил вернуться к программе Явлинского «500 дней». Явлинского направляли в Гарвард поработать с профессором Грэмом Эллисоном. Потом Явлинский, как договорились по телефону Буш и Горбачев, встретится в Вашингтоне с американскими официальными лицами, которые оценят работу. В ходе совместной работы Явлинский сосредоточился над экономическими проблемами, а Эллисон — над политическими: подлинной передачей власти республикам, развитием демократии, увеличением открытости в управлении экономикой и финансами, резком сокращении военной промышленности.

Кто скажет после этого, что американцы не стремились уничтожить Советский Союз? Все эти меры были направлены на децентрализацию власти, проникновение внутрь экономической и финансовой политики, разрушение военно-промышленного комплекса, где были сосредоточены самые передовые технологии, в том числе опережавшие американские. Явлинский назвал их совместную программу «**Окно возможностей**», а Эллисон более откровенно и точно — «**Великой сделкой**» (там же: 454).

Забегая вперед, замечу, что и эта программа будет отвергнута Горбачевым. А экономическая ситуация между тем становилась все более ужасающей. Горбачев заявлял, что никакая помощь извне не спасет страну, хотя было ясно, что без внешнего вливания средств уже не обойтись.

В конце мая по личному приглашению Горбачева в Москву приехала Маргарет Тэтчер, уже как бывший премьер-министр Великобритании. После встреч с Горбачевым она встретилась с Мэтлоком. Вот что пишет посол в своей книге:

« — Пожалуйста, передайте моему другу Джорджу, — сказала Тэтчер, — что мы должны помочь Михаилу. Конечно, вы, американцы, не можете и не должны делать все сами, но Джордж должен возглавить эти усилия, как было с Кувейтом. — Помолчала и затем пояснила, почему она так считает: — Всего два-три года тому назад мы с Роном отдали бы все на свете, чтобы здесь произошло то, что произошло сейчас. Теперь, когда Горбачев помог покончить с холодной войной и проложил курс для подлинных реформ, история не простит нам, — продолжала она, — если мы его не поддержим.

Вечерний разговор с Горбачевыми убедил Тэтчер, что Горбачев готов полностью восстановить права собственности, хотя, возможно, он еще не считает, что настало время объявить об этом публично. Но у нее также создалось впечатление, что политически он в отчаянном положении.

Тэтчер ратовала за приглашение Горбачева в Лондон на встречу «семерки» и считала, что нельзя допустить, чтобы он уехал оттуда с пустыми руками. По мнению Тэтчер, все союзники должны объединиться и помочь, но требуется нажим со стороны Соединенных Штатов, «чтобы они выполнили свой долг». Она в курсе того, что Германия уже обещала существенную помощь, но считает, что немцы могли бы сделать больше, поскольку до сих пор они лишь расплачивались за свое воссоединение. А японцев следует убедить подождать со своими территориальными притязаниями, пока в Советском Союзе не стабилизируется обстановка. Если Горбачев уступит сейчас их требованиям, он может слететь, а это риск, на который не следует идти ни японцам, ни остальному свободному миру» (там же: 455).

Мэтлок пишет, что он привел ряд аргументов, общий смысл которых состоял в том, что «вливание денег в страну в такое время не даст ничего хорошего и может принести только вред» (там же).

«— Вы говорите как дипломат! — Тэтчер метнула на меня гневный взгляд, — продолжает Мэтлок. — Находите объяснения для бездействия. Почему бы не подумать, как положено государственному деятелю? Нам необходима политическая решимость поддерживать этот процесс, который в самой высшей степени наших общих интересах» (там же).

Заступничество Тэтчер возымело действие. Президент Франции Миттеран и канцлер ФРГ Коль поддержали «железную леди», убедили Буша в том, что Горбачева необходимо пригласить на встречу «семерки». В июне Горбачев получил официальное приглашение от премьер-министра Великобритании Джона Мейджора, но не в качестве участника, а гостя.

* * *

Между тем Явлинский продолжал работать с Эллисоном над программой «Великая сделка». Завершив ее, авторы направили копию в Вашингтон, а оригинал — в Москву.

В своей книге Мэтлок (со слов Явлинского) рассказывает об одном из фрагментов тайных отношений администрации Белого дома с правительством СССР. Явлинский доложил Горбачеву, что если Буш и Бейкер, а также американские специалисты одобряют программу, то в своем выступлении в Берлине **Бейкер произнесет определенную фразу**, означающую, что документ одобрен. И Бейкер произнес ее...

Однако Горбачев, не читая, передал «Великую сделку» своему помощнику для использования содержащихся в ней идей при доработке правительственной «антикризисной программы» Павлова...

* * *

На встрече «семерки» было решено, что СССР будет ассоциированным членом Валютного фонда и Всемирного банка, которым поручалось «разработать программу помощи Советскому Союзу в переходе к рыночной экономике». Перед отъездом в Лондон «Буш письменно сообщил Горбачеву о том, какую помощь может оказать его страна: создать проект приватизации и оптовой торговли продовольствием в от-

дельно взятом регионе, направить миссию для анализа возможностей конверсии оборонной промышленности и другую миссию для изучения сектора энергетики. В письме содержалось предупреждение, что если Горбачев сохранит административный контроль, как предусматривалось в «антикризисной программе», то это крайне затруднит оказание помощи. Горбачеву **рекомендовалось** также приватизировать систему распределения продовольствия и прояснить ситуацию с энергетическими ресурсами, чтобы привлечь иностранные инвестиции» (там же: 466–467).

Мэтлок воспроизводит речь Горбачева на встрече с Бушем 17 мая за обедом в американском посольстве в Лондоне. Самым любопытным в этой речи мне кажется вопрос Горбачева, заданный Бушу: **«Каким хотят Соединенные Штаты видеть Советский Союз?»** И продолжение: «И вот странно: нашлось сто миллиардов долларов, чтобы справиться с одним региональным конфликтом (война Ирака с Кувейтом. — *И. И.*), деньги находятся и для других программ, а здесь речь идет о таком проекте — **изменить Советский Союз**, чтобы он достиг нового, иного качества, стал органической частью мировой экономики, мирового сообщества не как противодействующая сила, **не как возможный источник угрозы**. Это задача беспрецедентная» (там же: 468).

Поразительные слова! Руководитель супердержавы — СССР сам предлагает руководителю другой супердержавы — США, еще вчера своему главному и злейшему врагу, до сих пор, если говорить всерьез, находящемуся в состоянии холодной войны, условия полной капитуляции. По дешевке — за 100 миллиардов долларов. Сдает врагу все: идеологию вместе с Марксом, Энгельсом, Лениным и Сталиным; реальный социализм вместе с Великой Победой над фашизмом, десятками миллионов погибших и искалеченных, вместе с множеством его достижений в образовании и науке, тысячами заводов и фабрик, военной техникой и космонавтикой — Королевым, Гагариным; вместе с трехсотмиллионным народом, с необозримыми земными, лесными и водными пространствами, недрами с третию всех полезных ископаемых планеты.

Присутствовавший на этой встрече Мэтлок отмечает в своей книге: «Это был всхлип отчаявшегося человека, который заметно теряет контроль над страной и — что хуже — уже не понимает, чего пытается достичь» (там же: 469).

Буш был обескуражен тоном и смыслом горбачевской речи, насупился, но сдержался и продолжал орудовать вилкой. А когда Горбачев завершил свою тираду, отделался общими, полными лжи словами о том, что никто в США не хочет, чтобы в СССР «произошла экономическая катастрофа», что **«крах Советского Союза противоречит американским интересам»** (там же: 469). И все в таком духе.

Но, по крайней мере, сейчас-то все, кто хочет знать, знают, что американцы, и Буш в том числе, с радостью и злорадством наблюдали за разрушениями в СССР и делали все, чтобы, не дай бог, в какой-то момент «перестройки» верх взяли те, кто планировал «совершенствовать социализм», поддерживал Горбачева лишь в том, что ускоряло самоубийственный процесс. В СССР уже случились все виды катастроф: духовная, экономическая, политическая и прочие. Страна агонизировала, конец был уже зрим. И с какой стати вкладывать в эту безнадегу сто миллиардов долларов?..

Можно ли подумать, будто Горбачев не понимал этого, верил сказанному Бушем? По логике вещей не мог: ведь он был политик, а главное, сам врал и юлил ежедневно. Но кто знает доподлинно, что представлял собой Горбачев в сущности, в глубине своей души и своего ума вообще? Ведь если мыслить в логике его поступков всех предшествующих лет, то он говорил чистую правду. Просто, присутствуя на встрече «семерки», он окончательно осознал: **«друг Буш»** никогда не был его другом.

О том, что произошло в этот день между Горбачевым и Бушем, размышлял и Мэтлок. Прелюбопытнейшие, скажем так, домыслы. Представляю их глазу и уму читателей с некоторыми сокращениями.

Мэтлок пишет: «В то время — как и не раз потом — я раздумывал, могло ли все произойти иначе. С одной стороны, между Бушем и Горбачевым возникли **беспрецедентно** близкие отношения. Со времени встречи в верхах на Мальте они общались напрямую, как **два человеческих существа**, а не далекие друг от друга руководители государств. Между ними возникло личное, удивительно глубокое, хотя и не безграничное доверие. И, однако же, по наиболее важному вопросу общения не получилось. Казалось, они разговаривали друг с другом как **двое глухих**.

Горбачев **не мог заставить себя сказать напрямик, что занимало его мысли**, по крайней мере, с 1989 года. Он был психологически не способен высказать свою затаенную, возможно, подсознательную мечту, а если бы он это сделал, тем самым он подписал бы себе, как политическому деятелю, **смертный приговор**. Но что бы он сказал, если бы мог? Никто не знает этого наверняка...

Будучи человеком, близко наблюдавшим его на протяжении нескольких лет, я полагаю, это было бы что-то вроде нижеследующего — во всяком случае, **95 процентов из приводимого мной я в то или иное время от него слышал, а 5 процентов являются моими догадками**: “Моя страна никогда не знала подлинной свободы и никогда не жила в условиях демократии. Ею всегда правили сверху. Это ее трагедия и корень нынешних бед, как экономических, так и политических. Глядя на остальной мир, я вижу, что преуспевают те страны, которые живут в условиях свободного общества, — общества, где правит закон, защищающий права граждан и способствующий развитию их творческих возможностей. Этого я хочу и для своей страны, потому что если в ней не произойдет перемен, она отстанет от остального мира. Не только Соединенные Штаты, Западная Европа и Япония отодвинут нас на задний план — мы не сможем шагать в ногу даже с Южной Кореей, Тайванем и Сингапуром, если останемся в том положении, в каком находимся сейчас. Я никогда не смогу сказать это публично, **но я действительно хочу перестроить мою страну по вашему образцу... Мы должны покончить с нашей старой системой... И не думайте, что я обладаю в нашей стране большой поддержкой моих замыслов. Большинство населения либо не понимает меня, либо выступает против — особенно те, кому старая система что-то дала. Мне придется маневрировать и перехитрить последних и воспитать первых**, поэтому некоторые мои действия могут показаться странными... Мне надо только быть уверенным, что они (коммунисты. — *И. И.*) не разделаются со мной до того, как я приму меры. Трудно сказать, кто победит, но не думайте обо мне плохо, если порой мне придется **говорить разными голосами**.

Что же мне нужно от вас? Понимание и уважение. Я пытаюсь сделать то, о чем вы молились со времени окончания Второй мировой войны: **ликвидировать советскую военную угрозу**, сделать мое общество открытым, установить господство закона, начать создание демократических институтов и двинуться к рыночной системе — так ваши идеологи предпочитают именовать **капитализм**, но, надеюсь, вы понимаете, что я не могу пользоваться таким языком, во всяком случае, пока. А ведь это как раз то, о чем **вы мечтали десятилетия**, но безо всякой надежды, что это когда-либо произойдет. **Я преисполнен решимости, чтобы это произошло**, но не потому, что вы этого хотите. **Я поставил себе такую цель**” (Вот истина! Не съезды и пленумы ЦК КПСС, а он, человек по фамилии Горбачев, “поставил себе такую цель”. — *И. И.*).

...Плод воображения? Конечно. А насколько точный? Я в этом **абсолютно уверен**» (там же: 470–472).

Я полностью согласен с Мэтлоком. Ведь он «воображает» на основе того, что он своими ушами неоднократно слышал от Горбачева, а я читал «диктовку» и записку Яковлева «Императивы политического развития», которую он передал Горбачеву в 1985 г. Еще и еще раз скажу: в них была изложена стратегия и главная цель «перестройки». «Фантазии» Мэтлока по сути своей полностью совпадают с текстами обоих документов. Хотя их разделяет шесть лет (с начала и до конца «перестройки»), а если счет вести от начала «перестройки» до выхода книги Мэтлока в 2003 г., то не меньше пятнадцати лет...

Между тем национализм и сепаратизм разрывали Советский Союз на части. Попытки Горбачева подписать новый союзный договор срывались одна за другой из-за капризов то одной, то другой республики, прежде всего России и Украины. 12 июля Верховный Совет СССР одобрил текст договора. Но руководители ряда республик опять заартачились. В конце концов Горбачев объявил, что 20 августа Российская Федерация, с которой он нашел компромисс, Казахстан и Узбекистан подпишут договор, и он будет открыт для подписания в дальнейшем другими республиками.

Однако у коммунистов текст договора вызвал крайнее возмущение и ярость: ни в его названии, ни в самом тексте не было слов «советская» и «социалистическая»; кроме того, республики получали, на их взгляд, чрезмерно большие права в ущерб правам «центра». Это можно было понимать лишь как ликвидацию Советского государства. С другой стороны, против данного договора выступили радикальные реформаторы, призывавшие Ельцина не подписывать этот договор.

4 августа Горбачев уехал в Крым на отдых.

Сегодня, когда известно, что 19 августа в СССР был создан Государственный комитет по чрезвычайному положению (ГКЧП), который объявил о введении в СССР чрезвычайного положения на шесть месяцев, в сознании абсолютного большинства граждан России и других бывших советских республик это событие расценивается как **государственный переворот**. Известно, что путч провалился, что все его участники были арестованы, а те, кто проявил хоть какие-либо колебания, были сняты со своих высоких постов. В этом случае **Горбачев выглядит пострадавшей стороной**, а сам путч считается **главной точкой развала остатков СССР**, окончания каких-либо переговоров о новом союзном договоре.

Однако существует и иное мнение: Горбачев был тайным инициатором этого псевдопереворота, а по сути дела, его участником. Один из важнейших сторонников такой точки зрения — ближайший личный друг Горбачева и один из трех членов главного Заговора — Эдуард Амвросиевич Шеварднадзе. В своих мемуарах, изданных в России в 2009 г. в переводе с немецкого языка, он рассказывает о разговоре с Горбачевым, в котором принимал участие и Яковлев.

Шеварднадзе пишет: «Это был тяжелый разговор, при котором я не щадил ни себя, ни Горбачева. Я высказал ему все, что за долгие годы накопилось на душе: как он сам разрушил дело своей жизни и **предал** своих соратников, как он окружил себя бесцветными льстецами, которые, в конце концов, и связали ему руки. Я напомнил, как призывал его к компромиссу с Ельциным, как просил трезво взглянуть в лицо изменившейся реальности и действовать соответственно, как требовал ясности в борьбе против теневого правительства, уничтожавшего его политику и едва не отстранившего от руководства его самого. “Вы стали человеком, который — намеренно или непро-

извольно, это неважно, спровоцировал путч, и у меня есть все основания предполагать, что Вы приняли участие в заговоре”, — заявил я без всего смущения. Яковлев тоже высказал все, что лежало на сердце... Яковлев имел сходные с моими представления о перестройке и о ее последствиях» (Шеварднадзе, 2009: 211–212).

Почему бы не допустить мысль о том, что именно Горбачев был главным инициатором введения в СССР чрезвычайного положения? Экономика лежала в развалинах. Советский Союз был фактически разрушен. Народ в основной своей массе ненавидел Горбачева и его «перестройку». Запад и «друг Буш» в серьезной финансовой поддержке отказали. Да и зачем она? Мертвому припарки. Но как выйти из этой смертельной для его авторитета и жизни ситуации?

Признать, что «перестройка» не удалась? неизбежно встанет вопрос: «Кто виноват?» Конечно, это будет он, Горбачев. Уже со всех сторон несетя: «Предатель!» Таким будет и приговор суда, который непременно устроят его бывшие соратники по партии во главе с Лигачевым. А дальше — пуля в лоб и вечный позор в народной памяти. Да разве такого исхода он ожидал?..

Но если взглянуть на положение дел с другой стороны, все не так уж плохо. Тайной цели своей он достиг, дело всей своей жизни осуществил: КПСС развалена, коммунизм опозорен, Советский Союз при смерти. Крючков и К^о уже не раз намекали на возможность силового смещения его, Горбачева. Но кто может возглавить переворот? Да сам Крючков! Ведь это он — председатель Комитета государственной безопасности. Стоящая перед государством опасность реальна и очевидна всем. И если кто-то, а не он, Крючков, возглавит заговор, то в любом случае — при его удаче или неудаче — отвечать ему, Крючкову.

В ходе подобных рассуждений Горбачеву не могла не прийти на ум старая истина: если не можешь противодействовать ситуации — возглавь процесс. И почему бы ему не встретиться тайно с Крючковым и не сказать (пофантазируем): «Владимир Александрович, ситуация безвыходная. Надо вводить чрезвычайное положение. Но сделать это сам я не могу: навсегда потеряю лицо перед Западом, США. А нам с этими... (пауза) в любом случае придется иметь дело. Да и народ взбесится. Может начаться гражданская война. А что, если нам разыграть спектакль? Настроения Янаева, Пуго, Павлова, Язова и многих других мне известны. Они пойдут на сговор, если за его организацию возьметесь вы. Я уйду в отпуск. Вы объявляете меня больным, не способным исполнять обязанности президента. Кто знает: отдыхаю я или очень болен и лечусь? Формально обязанности президента станет исполнять Янаев — парень амбициозный, он не откажется. Разумеется, надо будет обратиться к народу, разъяснить, что да как... Ввести войска в Москву, другие крупные города... Но — без крови!.. А потом... Продумайте детали на будущее. Главное — через какое-то время вы вернете мне власть, и я — даю честное слово! — найду правильное объяснение вашим действиям, отблагодарю, как могу. Вы будете народными героями. А я подкорректирую курс перемен с учетом всего, что говорили вы, Лигачев и другие истинные коммунисты... Честное слово. Призываю вас к этому шагу. Одно нерушимое слово с моей и вашей стороны: ни один человек, кроме нас двоих, никогда не узнает о нашей встрече и нашем разговоре...»

На том, допустим, и сошлись. Поверил ли Крючков Горбачеву? Вполне вероятно. Ведь он регулярно направлял ему записки о том, что положение в экономике и настроениях населения страны становится все хуже, но чувствовал, что тот не хочет знать правду. Крючков дважды специально встречался с Горбачевым, информировал, что

Яковлев «на крючке» у американцев еще с той поры, когда был послом СССР в Канаде, и еще раньше — с 1958 г., когда стажировался в Колумбийском университете США. Ведь осенью 1990 г. Горбачев, вроде бы, повернул «влево». В январе 1991 г. силой была захвачена телебашня в Вильнюсе... Вводил войска в Москву... Вот-вот, казалось, введет прямое президентское правление в «капризных» республиках и областях России... Горбачев знал, что большинству населения осточертела его «перестройка», что простые люди его ненавидят и ждут не дождутся, когда его скинут со всех постов... Возможно, до Горбачева что-то дошло, он взглянул на действительность трезвым взглядом?.. Почему бы и не поверить?..

Любопытно то, что в некоторых книгах и мемуарах подготовка к «государственному перевороту» описывается в деталях, как это сделал и Мэтлок. А вот Крючков в своей книге «Личное дело» даже не вспоминает о ГКЧП. И Горбачев говорит о путче лишь в том смысле, что он поставил точку в перестройке.

Критики ГКЧП подчеркивают, что все участники путча были якобы людьми неумными, безвольными, пьяницами (Павлов, Янаев) и все в таком духе, поэтому и не сумели хорошо организовать переворот, не решились на использование армии и милиции в своих целях. Но так ли это?

Вот Крючков... До назначения на должность председателя КГБ он возглавлял Службу внешней разведки, которая была сильнейшей в мире. Говорить о том, что в разведке работали люди умные — значит ломиться в открытую дверь. Руководили огромной разведывательной сетью люди не менее умные, способные плести тенета многочисленных разведывательных операций. Составить план «переворота» для Крюčkова не представляло никакого труда. Способности Крюčkова высоко оценивал сам Горбачев. Ведь это он рекомендовал его на должность председателя КГБ СССР!..

Мэтлок пишет: «Четвертого августа Горбачев уехал из Москвы отдыхать в Крым. Крючков тотчас отправил небольшую команду на конспиративную квартиру КГБ в подмосковной деревне Машкино для разработки планов введения чрезвычайного положения. Однако когда команда доложила Крючкову 8 августа, что ситуация не вызывает такой необходимости, председатель КГБ возразил, что медлить с этим нельзя, так как после подписания Союзного договора ввести чрезвычайное положение будет уже невозможно.

И Крючков отправил команду назад в Машкино для дальнейшей работы над планом. При этом он сказал Алексею Егорову, одному из сотрудников КГБ и члену команды, что чрезвычайное положение придется ввести без Горбачева, поскольку он психологически не способен справиться с ситуацией.

В пятницу утром, 16 августа, проекты объявления о создании Государственного комитета по чрезвычайному положению и введении чрезвычайного положения в стране легли на стол Крюčkова. Он немедленно дал указание своему заместителю отправить в Крым техников для отключения средств связи Горбачева. Тем не менее весь разговор состоял лишь из планов. И несколько ключевых фигур еще не были подключены» (Мэтлок, 2003: 490–491).

Из допроса, проведенного Генеральным прокурором России после провала «переворота» известно, что лишь 17 августа (за два дня до возвращения Горбачева из отпуска!) Крючков пригласил в баню КГБ в Москве премьер-министра Павлова, министра обороны Язова, руководителя аппарата Горбачева Болдина, секретарей ЦК КПСС Бакланова и Шенина.

Мэтлок пишет: «...Крючков предложил создать комитет, который введет чрезвычайное положение в стране, а затем послать делегацию к Горбачеву, чтобы получить его поддержку, если же он откажется, изолировать его в Крыму и объявить, что он не способен дальше управлять страной. Исполняющим обязанности президента станет Янаев, после чего Лукьянов созовет Верховный Совет и узаконит это» (там же: 492).

Парадоксально, но факт: в этот момент о плане заговора еще не знали министр МВД СССР Пуго, Председатель Верховного Совета СССР Лукьянов и вице-президент СССР Янаев, участие которых в заговоре делало его хоть в некоторой степени законным (там же).

18 августа 1991 г. накануне «переворота» в Форос для переговоров с Горбачевым вылетала группа в составе Болдина, Бакланова, Шенина и генерала Варенникова. Прямо скажем, не самые авторитетные личности для переговоров с Горбачевым из числа заговорщиков. Янаев, Крючков, Павлов, Пуго остались в Москве. Причем Янаев еще не дал согласие стать №1 в заговоре, а Лукьянов и министр иностранных дел Бессмертных наотрез отказались войти в состав группы.

Делегация от ГКЧП старалась убедить Горбачева в необходимости введения чрезвычайного положения, передать на время свои полномочия вице-президенту, но Горбачев не согласился поддержать ГКЧП и выпроводил посланцев. Политика — всегда игра. «Лукавство»...

Мне трудно представить себе, будто введение чрезвычайного положения, а тем более «государственный переворот» подготавливались столь несерьезно. Но если все происходило именно так, то такая трактовка говорит в пользу моей версии: Крючков отыгрывал свою роль, придуманную Горбачевым, а Горбачев играл свою, но не ту, которую (якобы) нарисовал Крючкову во время их тайной встречи. Он обманул Крючкова. Вот почему последний молчит о ГКЧП в своей книге «Личное дело» — стыдно признаться, что его, как мальчишку, обвели вокруг пальца...

ГКЧП просуществовал 72 часа. За это время советское общество резко поляризовалось. Действуй гэкачеписты решительно и жестко, чрезвычайное положение удалось бы ввести, основные разрушители советского государства были бы нейтрализованы, на сторону ГКЧП встали бы новые силы, хотя и без того значительно большая часть населения, руководители Азербайджана, Узбекистана, Таджикистана, Туркменистана, Белоруссии, многих областей России, АДПР и, разумеется, основная часть коммунистов всех республик поддержали указ №1 Государственного комитета по чрезвычайному положению.

Но Крючков помнил уговор (если он был) с Горбачевым — «обойтись без крови». Никто из «демократов» и «либералов» не был даже арестован.

А что же Горбачев? 21 августа он вернулся в Москву. Думаю, что миллионы живших в то время людей еще помнят телетрансляцию из аэропорта: растерянный Горбачев медленно спускается по трапу самолета; его пресс-конференцию 22 августа — спутанность сознания при ответах на вопросы журналистов. Горбачев защищал компартию и утверждал, что он «убежденный сторонник социализма», а в своем обращении к народу вечером того же дня уже не вспоминал ни о партии, ни о социализме... На следующий день Горбачев обвинил в предательстве свое правительство и руководство компартии. 25 августа подал в отставку с поста генерального секретаря ЦК КПСС, а до этого запретил деятельность КПСС в армии, КГБ и прочих организациях, контролирующих законы, а также во всех государственных организациях...

В СССР начался «парад суверенитетов». В конце сентября 1991 г., за исключением России, Казахстана и Туркмении, все остальные 12 республик СССР объявили о своей независимости...

* * *

В главе «Общие интересы с Западом» Мэтлок пытается говорить с читателем в духе худших дипломатических правил «как бы так сказать, чтобы ничего не сказать», а получается шиворот-навыворот: стремясь не сказать ничего, говорит все, что хотел скрыть. Он пишет: «Внешняя политика Горбачева подверглась нападкам в 1991 г. и еще в большей мере потом за излишне многочисленные уступки Западу, и в частности Соединенным Штатам. Некоторые противники Горбачева даже обвиняют его в разговоре с Соединенными Штатами по развалу Советского Союза.

Для любого человека, уважающего факты, такие обвинения представляются абсурдом. Казалось бы, должно быть ясно, что внешняя политика Горбачева была блистательно успешной. С самого начала перестройки ее задачей было уменьшить напряженность, существовавшую в отношениях с остальным миром, с тем чтобы сосредоточить внимание и ресурсы на реформах в стране. Горбачев достиг этой цели, создав политику, которая служила интересам как Советского Союза, так и его западных противников.

Не политика Запада привела к развалу Советского Союза, а просчеты в политическом процессе, который шел в самой стране. Когда Советский Союз больше всего нуждался в помощи, его окружала чрезвычайно благоприятная атмосфера. В Азии, Европе и Северной Америке наблюдалось желание помочь руководству Советского Союза в избранном им трудном пути перехода от одной формы экономики к другой, а не стремление воспользоваться его трудностями, чтобы усугубить их.

Выгода, которую Советский Союз получил от внешней политики Горбачева, стала особенно очевидна осенью 1991 года, когда страна начала разваливаться. Запад поддерживал, как мог, перемены, а не отнесся к ним враждебно, что позволило народам Советского Союза самим решить свое будущее без вмешательства со стороны. Хотя сочувствие и поддержка со стороны Запада не могли возместить недостатки политического процесса, происходившего в стране, нельзя не признать, что Советский Союз легче пережил период своего распада в дружелюбной международной атмосфере, чем если бы она была враждебной» (там же: 524–525). Посол издевается...

Цинизм Мэтлока потрясает даже сейчас, более чем через четверть века после уничтожения СССР, когда весь мир говорит о лжи и обмане, двойных стандартах, на которых строится вся внешняя политика США. Все в тексте Мэтлока поставлено с ног на голову. Сочинительствовать в таком духе — непростая задача, и Мэтлок, как правило, не справляется с ней: из каждой фразы торчат уши двуличия.

Как понимать первую же фразу о нападках «за излишне многочисленные уступки Западу?» Беда (по Мэтлоку) не в том, что уступки были многочисленными. Это он считает нормальным. Для российских консерваторов и антиреформаторов, полагает он, плохо только то, что они были «излишне» многочисленными. Тем самым Мэтлок признает сам факт многочисленных уступок, которые делал Горбачев. Тут и возникают вопросы: «Почему он делал эти уступки?» В чьих интересах? Необъяснимая уступка вражеской стороне, даже разовая, — уже предательство интересов своей страны, а многочисленные уступки — свидетельство сговора.

Основным переговорщиком со стороны Запада были США. Почему же надо удивляться тому, что по логике вещей сама по себе возникает мысль о заговоре? И тут не

надобно искать секретных договоров «Горбачев — Рейган», «Горбачев — Буш». Горбачев «в духе доброй воли» шаг за шагом сдавал страну, а противник (вот странное дело!) не сопротивлялся этому. Только и всего. В этом смысле, безусловно, «внешняя политика Горбачева была блистательно успешной». Для «его западных противников». Мэтлок прямо так и вываливает «секрет».

Вдумаемся в тираду Мэтлока: «...Когда страна начала разваливаться, Запад подерживал, как мог, перемены (т. е. развал. — *И. И.*), а не отнесся к ним враждебно...» Фарисеи всех времен, просыпайтесь! В ваш клан пришел настоящий Учитель.

Скажите, можно ли отнестись враждебно к своей вековой Мечте, когда она наконец-то сбывается? Можно ли нанести ей «удар милосердия», когда она восходит к своему совершенству, а не корчится в предсмертных муках?

О да! Международная атмосфера была ненавистно дружелюбной, когда Советский Союз доживал последние дни, это правда. Запад радостно скорбел по Уходящему...

Осуществив в классическом стиле свою очередную, как говорят в блатном мире, «разводку» советского и мирового сообщества под названием «путч», Горбачев спешил «уступить» США то, чего не успел сделать прежде.

Мэтлок пишет: «Перестав потворствовать сторонникам жесткой линии среди военных, Горбачев **быстро решил проблемы**, остававшиеся нерешенными в советско-американских отношениях: когда Бейкер в сентябре посетил Москву, он, наконец, сумел договориться о прекращении поставок оружия всем группировкам в Афганистане. Горбачев согласился также отозвать с Кубы находившиеся там советские войска. А несколько недель спустя Вадим Бакатин — в качестве **жеста доброй воли** — передал моему преемнику Роберту Штраусу схемы подслушивающих устройств, установленных КГБ в новом здании американского посольства» (там же: 526–527).

В середине ноября Эдуарда Шеварднадзе наконец уговорили вернуться в переименованное Министерство внешних сношений и руководить им в последние, как оказалось, недели его существования. К тому времени Ельцин настаивал на сокращении персонала министерства на 80%, но прежде чем это произошло, министерство СССР было слито с российским министерством, и во главе был поставлен Андрей Козырев, который незадолго до того был **одним из младших помощников Шеварднадзе**. Козырев стал позором внешней политики России: он служил США еще преданней, чем это делал Шеварднадзе.

* * *

14 ноября в Ново-Огареве вновь собрались руководители республик, которые согласились создать «союз суверенных государств — конфедеративное государство». Горбачев сохранял пост президента, правительство во главе с премьер-министром, Верховный суд, Арбитражный суд, Генерального прокурора. Подписание договора было назначено на 25 ноября на заседании Государственного совета.

Однако в этот день Ельцин, Шушкевич и Каримов отказались от подписания документа. Горбачев был взбешен. Начались споры. Выйдя из себя, Горбачев заявил, что собравшимся больше не нужен президент.

Андрей Грачев, один из помощников Горбачева, приводит такие его слова: «Я не понимаю, как вы собираетесь дальше жить, — ведь, создав богадельню вместо единого государства, вы замордуете общество. Мы уже и так захлебываемся в дерьме!.. Если вы отвергнете конфедеративное государство, то дальше двигайтесь без

меня!» (Заседание Государственного ... : Электронный ресурс). И выбежал из помещения.

После этого Шушкевич и договорился с Ельциным о встрече в Беловежской Пуще с приглашением на нее Кравчука. А за день до отъезда Ельцин встречался с Горбачевым, они обсуждали ситуацию, сложившуюся вокруг Союзного договора. Надо полагать, Горбачев знал в общем и целом, зачем собираются встречаться лидеры трех крупнейших республик СССР. По логике вещей ему бы стоило сказать: «Уважаемые, а давайте и я присоединюсь к вашему разговору: ситуация слишком сложная для того, чтобы я стоял в стороне». Однако он не сказал этого. Через день, в воскресенье, Горбачеву позвонил Назарбаев, прилетевший по делам в Москву, и сказал, что его приглашают на встречу в Беловежскую Пущу. Горбачев отсоветовал ему ехать. Назарбаев так и поступил, почувствовав сам (или услышав нечто от Горбачева), что тайные переговоры, если на них будет принят какой-то важный документ, могут быть расценены как заговор.

Так оно и произошло: Ельцин, Шушкевич и Кравчук подписали декларацию и Соглашение «Об образовании Содружества Независимых Государств». В Соглашении был пункт о том, что Союз Советских Социалистических Республик прекращает свое существование. Горбачев считал этот пункт неуместным, но отметил, что в целом в Соглашении есть и положительные моменты. Против Соглашения в его полном объеме выступили многие демократы, руководители республик. Однако Верховные Советы России, Белоруссии и Украины почти мгновенно ратифицировали Соглашение, а правительства этих республик запретили своим депутатам участвовать в работе Съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР. Деятельность этих государственных органов была парализована из-за отсутствия кворума.

21 декабря 1991 г. руководители всех бывших республик СССР, за исключением Литвы, Латвии, Эстонии и Грузии, приняли в Алма-Ате Декларацию о своей приверженности Содружеству Независимых Государств — СНГ.

Оставался не решенным единственный вопрос: когда Горбачев заявит о своей отставке?

А для меня в данный момент возникает вопрос о том, как расценить горбачевскую волокиту с Союзным договором?

Можно думать, будто Горбачев хотел сохранить Советский Союз хоть в каком-нибудь трансформированном виде, а себя — во власти президентом. Но уже давно — с тех пор как из состава СССР фактически вышли Прибалтийские республики и Грузия, когда во главе России встал взбалмошный Ельцин, на Украине — перестроившийся из коммуниста в националиста — Кравчук, а в Белоруссии хитрец Шушкевич, — Горбачев не мог не понимать, что в любом случае новое «образование», как его ни назови, будет маломощным и беззащитным перед Западом, а лично ему — не долго властвовать. И зачем тогда затевалась «перестройка», зачем вся эта возня с Союзным договором? Она выглядит не иначе, как финальная «разводка» общественного мнения. И тогда «заговор» тройки был в интересах Горбачева: он ставил жирную точку в «перестройке». И все козни Ельцина были ему на руку. Оставалось договориться с ним и «другом Бушем» о том, на какие средства и в каком звании доживать свой век...

Горбачев обратился к руководителям республик, собравшимся 21 декабря в Алма-Ате, с призывом провести заседание Верховного Совета и формально распустить СССР, но его предложение проигнорировали...

А если такие мои рассуждения ошибочны, то почему, спрашивается, Президент СССР Горбачев, расценив в своих выступлениях Беловежское соглашение как заговор, как незаконный государственный переворот, равнозначный августовскому путчу, не арестовал Ельцина, Шушкевича и Кравчука и не предал их суду? Ведь армия и органы безопасности все еще были в его подчинении. Разумеется, это до предела накалило бы обстановку в стране, вероятно, привело бы к столкновениям куда более кровавым, чем в Литве, Грузии и других регионах страны в предыдущие годы. Да, кровь пролилась бы... Но власть дается для того, чтобы властвовать, а это значит, что в исключительных случаях использовать и силу, быть жестоким. Тем более что большинство республиканских правительств выступали против радикальной экономической реформы. «Центр», т. е. Президент СССР Горбачев, мог бы дать в их руки рычаги, с помощью которых можно было свести к нулю все усилия по уничтожению СССР. Ведь только несмышленным людям не было понятно, что Ельцин — не созидатель. Последующие события подтвердили это.

* * *

На политическую деятельность Горбачева, конечно, накладывались личные черты его ума и характера. В литературе о нем встречаются мысли о том, что Горбачеву мешали его упрямство, неспособность постичь движущую силу национализма, приверженность идее социализма, авторитарные черты в характере (В. Старков, С. Станкевич). Вячеслав Старков считает, что Горбачев был «всего лишь прыщиком на коже российской истории, а не подлинным реформатором» (цит. по: Мэтлок, 2003: 553). Он инициировал определенные перемены для возвеличивания собственной власти, и если перемены вели к реформе, то в результате усилий других людей, а не Горбачева. Горбачев якобы не противостоял советскому строю, а погряз в нем. Он был продуктом этого строя, и просто-напросто исторической судьбе было угодно, чтобы он оказался у власти, когда строй рухнул безо всякого на то личного вклада со стороны Горбачева.

Если не Горбачев, то кто же тогда? Ельцин? Но до середины 90-х годов он был малозначительной фигурой в политической жизни СССР и был известен лишь тем, что критиковал Горбачева, требуя ускорения и радикализации «перестройки», которую объявил и возглавлял Горбачев начиная с 1985 г. Решающую роль в развале СССР Ельцин сыграл в конце 1991 г., когда Советский Союз находился уже на грани гибели. Но до этого состояния его довел Горбачев. Рахитичная структура, которую пытался создать Горбачев в результате подписания Союзного договора, уже не имела бы в своем составе пяти республик — Литвы, Латвии, Эстонии, Грузии, Молдавии и, как выяснилось вскоре, потеряны были бы и Украина, Белоруссия... Советский Союз и КПСС были уже уничтожены им, цель, которую он ставил себе в Заговоре, уже была достигнута.

Кто еще? Лигачев? Рыжков? Яковлев? Каждый из них до определенного момента «перестройки» находился в команде Горбачева и (в разное время и по разным причинам) был отстранен им от власти: Лигачев и Рыжков — полностью, Яковлев с марта 1990 г. служил ему в качестве советника и консультанта.

Другое дело, что без Яковлева перемены в СССР начались бы позднее или, возможно, не произошли бы вообще. А если бы и состоялись, то в виде очередной реформы, не ставящей цели уничтожения КПСС и СССР. Как не могла случиться Великая Октябрьская социалистическая революция, не мог быть создан Союз Советских Социалистических Республик.

листических Республик без коммунистической идеологии, сотворенной Марксом и Энгельсом, так не могла бы начаться «перестройка» без записки Яковлева «Императивы политического развития», в которой содержались ее опорные идеи стратегии, тактики и конечная цель — уничтожение СССР. Не случился бы и Заговор, в реализации тайных целей и задач которого все остальные его участники в их великом множестве (правительство, партии и движения, весь советский народ, руководители советских республик и областей России, ЦК КПСС и все коммунисты, новые лидеры иностранных государств, включая лидеров США) действовали вслепую, были использованы «втемную».

Думаю, что на первых этапах «перестройки», пока в обществе и ближайшем окружении Горбачева не вызрел протест в связи с ухудшением состояния экономики, недостаточным обеспечением населения продуктами питания и товарами первой необходимости, Яковлев подталкивал в сторону радикализации перемен и самого Горбачева. Конечно, Яковлев мог влиять на Горбачева настолько, насколько это тот позволял, но были вопросы, в которых Горбачев разбирался гораздо хуже, чем Яковлев. Это прежде всего вопросы рыночной экономики и марксистско-ленинской идеологии. В своих избранных «перестроечных» интервью Яковлев говорит об этом не раз. Буш и Бейкер также отмечали у Горбачева такой недостаток, как слабое знание рыночной экономики.

Короче говоря, я ставлю Яковлева выше Горбачева, поскольку именно он был идеологом «перестройки», а Горбачев — ее организатором. «Сначала было слово». Другое дело, что любое принципиальное решение обретало силу только после того, как Горбачев ставил на нем свою подпись.

Я не считаю Горбачева, Яковлева и Шеварднадзе агентами Запада, конкретно — США, да еще оплачиваемыми. Слишком это пошло. Они были предателями по идейным соображениям и негласными союзниками по конечным целям, потому и действовали как единый, целостный механизм. Множество переговоров и встреч на разных уровнях, споры, обмен угрозами и прочие «штучки» были необходимыми моментами затяжной двухсторонней игры: «перестройка» не могла быть осуществлена разом, это был неизбежный процесс, **растянутый во времени** для того, чтобы довести народ до отчаяния, но не до всеобщего взрыва, и — не дай Бог! — до гражданской войны. Народ надо было охмурить обещаниями сладкой жизни, довести обманной политикой до состояния, когда он «сам обманываться рад»... И надо было быть достаточно осторожными, так «лукавить» и маневрировать, чтобы оставаться на вершине власти. Иначе — конец «перестройке» и конец заговорщикам. Вот поэтому, как говорили и говорят те, кто был рядом с Горбачевым, он спокойнее чувствовал себя с иностранцами, а не с соотечественниками, был ближе к Рейгану, Бушу, Шульцу и Бейкеру, чем к когда-то близким друзьям Лигачеву, Рыжкову и даже единовецам — Яковлеву и Шеварднадзе.

Крючков... Многие абсолютно уверены, что именно он, организовав ГКЧП, сорвал переговоры по Союзному договору, что и привело к развалу СССР. Допустим, что он сделал это по собственной воле, не следуя совету-указанию Горбачева. А кто еще должен был подумать о безопасности страны? Ведь Крючков возглавлял Комитет государственной безопасности.

Видя, что Горбачев неадекватно реагирует на его информацию (доклады, записки) о внутренних и внешних угрозах и опасностях, об ухудшающемся настроении народа, он был вправе решить, что главная опасность исходит от бездействующего, хуже того —

действующего в интересах разрушительных сил президента, и принять соответствующие меры. В данном случае это было создание ГКЧП. Это был шаг в сторону спасения СССР. Не ясно, что же помешало Крючкову довести дело до логического конца...

Совсем иного мнения о Крючкове Мэтлок: «От людей и вправду зависит кое-что повернуть по-иному, а такой человек, как Владимир Крючков, очень многое повернул по-своему. Советский Союз мог бы существовать сегодня в каком-либо измененном виде, если бы КГБ в 1990–1991 годах управлял другой человек» (Мэтлок, 2003: 565).

* * *

В главе «Роль Запада» Мэтлок пишет: «Чтобы яснее вникнуть в вопрос об ответственности (за развал СССР. — *И. И.*), необходимо четко различать **три преобразования**: конец холодной войны, конец коммунистического правления в Советском Союзе и конец самого Советского Союза. Невзирая на очевидные связи и тот факт, что **конец холодной войны** привел в движение процессы, приведшие к **двум другим событиям...**» (там же).

Парадоксальное утверждение! Война закончилась прежде, чем противник сдался (или повержен)? Как это так?.. «Цели США в отношении России» (так называли на Западе СССР) в ходе холодной войны, которая в секретных документах Совета национальной безопасности США определялась как «самая настоящая война, от исхода которой зависит судьба свободного мира», предполагали настоящую ядерную войну с бомбежкой сначала десятков, а в 1957 г. — 300 городов СССР и уничтожением десятков миллионов человек... Но Горбачев затеял самоубийственную внутреннюю революцию под названием «перестройка», и это был, конечно же, более подходящий вариант, поскольку он исключал ответный удар со стороны СССР.

«Горбачев с самого начала пребывания на посту советского руководителя знал, что успеха в проведении внутренних реформ ему не добиться до тех пор, пока напряженность в отношениях между Востоком и Западом будет оставаться высокой. Поначалу он **пытался умерить** напряженность одними сделками по контролю над вооружениями. Когда это не сработало (поворотным пунктом стал, вероятно, саммит в Рейкьявике в октябре 1986 года), он стал действовать по всему спектру программы США из четырех пунктов. Впрочем, это не было, прежде всего, уступкой Соединенным Штатам: события на родине убедили Горбачева, что для воплощения задуманных им реформ необходимо **открыть советское общество для остального мира и начать процесс демократизации**. Таким образом, американская и западная программа стала совпадать с его собственной.

По мере успешного продвижения по всем четырем направлениям программы конкретные вопросы решались с **ускоренной быстротой**: именно это и предусматривала **поощрять американская политика**» (там же: 567).

«...Если бы политика определялась на Западе теми, кто намеревался поставить контроль над вооружениями во главу угла отношений, подчинив ему все остальное, вряд ли холодная война завершилась бы с той быстротой, с какой это произошло. Соглашения по контролю за вооружениями были бы подписаны, возможно, скорее (хотя даже за это ручаться нельзя), зато **реформы внутри СССР были бы, вероятно, отложены, возможно, на годы и годы**, пока советские руководители не убедились бы, что одним сокращением военного бремени им не избавиться от более глубоко лежащих трудностей. Между тем, не будь четко обозначенной **идеологической подвижки**, останься по-прежнему **классовая борьба** основой советской внешней политики, за-

ключенные соглашения, вероятно, становились бы источниками дальнейших споров и доводов, а не основой для укрепления доверия.

В руках скептиков, сомневающихся, что советские руководители когда-либо станут способны заключать **справедливые** соглашения и соблюдать их, политика также **помешала бы скорому концу холодной войны**. Не будь Соединенные Штаты и их западные союзники готовы быстрее продвигаться к достижению соглашений на разумной основе, усилия Горбачева прийти к согласию с Западом остались бы втуне, что, возможно, вынудило бы его **свернуть реформы еще раньше и еще насильственней, чем он это проделал (?! — И. И.)**.

В общем, я верю, что холодная война окончилась потому, что в середине 80-х сошлись воедино (1) западная политика, совмещавшая силу и твердость с готовностью к честным переговорам, и (2) советское руководство, наконец-то осознавшее, что страна больше не может по-старому жить, что ей нужно меняться внутренне, но что сделать это она сумеет **лишь в сотрудничестве с внешним миром**.

Да, администрация Рейгана озвучила стратегию окончания холодной войны, но у нее **не было плана, как положить конец коммунистическому правлению в Советском Союзе**. Не то чтобы это считалось целью нежелательной, а просто потому, что входившие в администрацию понимали: **Соединенные Штаты не в силах — извне — свалить советский режим**.

Как может коммунистический режим развиваться в свою противоположность? Несомненно, американцам должно быть известно, что демократия, свобода передвижения и доступ к информации полностью несовместимы с продолжением коммунистического правления. Либо новые свободы окажутся мошенничеством, либо коммунистическое правление не устоит.

Да, абстрактно мы это знали. Но Горбачев жил не в мире абстракций, и мы в нем тоже не жили. Никому не дано знать, какого количества свободы (если свободу можно измерять) окажется достаточно для свержения строя, не дано знать и того, сумеет или нет — с течением времени — строй явить неожиданную способность к **самоизменению**. В конце концов, руководители, начавшие реформы, **были коммунистами**, пусть политика Запада их поощряла и вдохновляла, но **избрали они курс реформ по своим собственным причинам**, исходя из того, что считали своими собственными интересами. Циники издавна сомневались в том, что любой лидер, возвращенный советским строем, способен понять, что есть истинная реформа (того менее — настоять на ней). Многие из тех же циников отказывались верить в перемены тогда, когда они происходили. Но, невзирая на циников, **Горбачев состоялся** — и Шеварднадзе, и Яковлев, и Ельцин. И многие другие. Они вряд ли были демократами джефферсоновской школы, все же были намного ближе к Томасу Джефферсону, чем к Иосифу Сталину.

Это их, а не нашим, делом было пользоваться случаем и **приспособливаться**, и сделай они это с успехом, ни Соединенные Штаты, ни Западная Европа не были бы в претензии, даже если бы они пожелали по-прежнему звать себя коммунистами, а свой строй социалистическим.

Говоря, что конец коммунистического правления в Советском Союзе не ставился открыто в задачу политике США, следует иметь в виду, что Соединенные Штаты и другие демократические страны служили **основными факторами его приближения**. Только было это результатом **не столько их политики, сколько их существования**.

<...> Советский строй оказался неспособен изменяться с такой быстротой, чтобы **достойно противостоять внешнему воздействию в состязании за души и умы своего на-**

рода. Не имеет значения, что людям в Советском Союзе зачастую зарубежные пастбища казались куда более зелеными, чем то оказалось бы при ближайшем рассмотрении. Вот оно, одно из следствий десятилетий лжи: люди привыкают верить в противоположное тому, что им говорят» (там же: 568–569).

На самом деле с умами и душами советских людей все было в относительном порядке, хотя идеализировать ситуацию не стоит. Проблема была, грубо говоря, с «желудками» — руководству страны даже в 60-е и 70-е годы, уже в относительно далекий послевоенный период, все никак не удавалось насытить магазины высококачественными продуктами в широком ассортименте. Не меньшей была проблема с товарами широкого потребления, в частности с одеждой и обувью. Огромная доля бюджета страны уходила на военные нужды.

Сталину было известно о плане Черчилля «Немыслимое» — начать третью мировую войну с 1 июля 1945 г. в союзе с Америкой, затем о планах 1948 г. «Тоталити» и «Чариорити» и, наконец, о плане 1949 г. «Дропшот», когда Трумэн собирался сбросить на города СССР 300 атомных и 29 тыс. обычных бомб. Гонка вооружений в СССР была **вынужденной**, а на сотнях заводов ВПК работали лучшие ученые, управленцы, рабочие и использовалось лучшее оборудование. Здесь все было качественным. Но народ — дитя. Люди наивно полагали, что, если бы вожди захотели, то все задачи решали бы так же хорошо, как военные и космические. На этом психологическом заблуждении и играли наши противники, возбуждая протестные настроения, высевая семена разрушения внутри советского общества.

СССР был в цейтноте, зажат в тисках необходимости. Прошло бы время, и все наладилось бы. Но пришел Горбачев, за ним Яковлев, Шеварднадзе и затеяли «перестройку»...

Мэтлок пишет: «Тем не менее, если и относить крах коммунистического правления в Советском Союзе на счет кого-то одного, то пришлось бы назвать **Михаила Горбачева**. Именно он, в конце концов, настоял на переменах, которые напрочь сбросили Коммунистическую партию с ее главенствующей позиции, именно он отказался санкционировать применение силы во имя сохранения старого строя» (там же: 569).

«Горбачев, Рейган и американские союзники — все они в полной мере заслуживают признательности за необходимый вклад, внесенный каждым в этот процесс. Никто в одиночку его не вытянул бы, и нет такого человека, кто в одиночку сделал бы это. **Однако сценарий был написан в Вашингтоне, и сомнительно, чтобы он мог писаться в Москве — даже таким искусным руководителем, как Михаил Горбачев**» (там же).

А вот что сказал сам гражданин Горбачев, выступая с лекцией в Мюнхене 8 марта 1992 г.: «Понимали ли те, кто начинал, кто осмелился поднять руку на тоталитарного монстра, что их ждет? Мои действия отражали **рассчитанный план, нацеленный на обязательное достижение победы...** Несмотря ни на что, **историческую задачу мы решили: тоталитарный монстр рухнул...**» (Горбачев, 1992: 193).

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Через два года (в 1958 г.) в Колумбийский университет прибыл на стажировку один из «героев» «перестройки» А. Н. Яковлев. Отметим просто так... Пока.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Александр Яковлев. Перестройка: 1985–1991: неизданное, малоизвестное, забытое (2008) / сост. А. А. Яковлев. М. : Междунар. фонд «Демократия». 867 с.

Главный противник: Документы американской внешней политики и стратегии 1945–1950 гг. (2006) : пер. с англ. / сост. и автор вступ. статьи И. М. Ильинский. М. : Издательство Московского гуманитарного университета. 504 с.

Горбачев, М. С. (1992) Декабрь-91. Моя позиция. М. : Новости. 224 с.

Заседание Государственного совета СССР. 25 ноября 1991 года. Запись сделана А. С. Черняевым со слов М. С. Горбачева [Электронный ресурс] // Международный Фонд социально-экономических и политологических исследований (Горбачев-Фонд). URL: http://www.gorby.ru/userfiles/file/1991_25_11_gossovvet.pdf (дата обращения: 01.02.2017).

Мэтлок, Дж. Ф. (2003) Смерть империи : взгляд америк. посла на распад Совет. Союза / пер. с англ. Т. Кудрявцевой и В. Мисюченко. М. : Рудомино. 579 с.

Правда (1989). 26 декабря.

Черняев, А. С. (1997) 1991 год: Дневник помощника президента СССР. М. : ТЕРРА; Республика. 336 с.

Шеварднадзе, Э. (2009) Когда рухнул железный занавес. Встречи и воспоминания / пер. с нем. Г. Леоновой. М. : Европа. 426 с.

Яковлев, А. Н. (1994) Горькая чаша. Большевизм и Реформация России. Ярославль : Верх.-Волж. кн. изд.-во. 464 с.

Яковлев, А. Н. (2009) Избранные интервью: 1992–2005 / сост. А. А. Яковлев. М. : МФД. 480 с.

Дата поступления: 09.02.2017 г.

HOW THE US AMBASSADOR MATLOCK RAN “PERESTROIKA”

I. M. ILINSKIY

The article presents the author's reflections on the book by US ambassador to the USSR (1987-1991) J. Matlock “Autopsy on an Empire: The American Ambassador's Account of the Collapse of the Soviet Union”. The book was published in the USA in 1995, translated and released in Russia in 2003.

The author believes that the American diplomat's opinion on “perestroika” has a stupefying effect on the readers' minds. J. Matlock considered “perestroika” to be a unique historical opportunity to fulfill the century-old American dream to destroy the USSR and the idea of communism. He was sure that the state was to collapse because “the system was initially vicious”.

However, the ambassador was fully aware of the fact that the System had not collapsed by itself, but that the USA and Matlock himself to a certain extent had played “a key role” in it. It is possible to find information about it in the book. The author of the article scrutinizes the text of the book and provides quotations, commenting on them and giving extracts from memoirs of some other participants of the events.

Keywords: J. Matlock; USA; USSR; collapse of the USSR; perestroika; international affairs; M. S. Gorbachev; geopolitics

REFERENCES

Aleksandr Iakovlev. Perestroika: 1985–1991: neizdannoe, maloizvestnoe, zabytoe (2008), comp. A. A. Iakovlev. Moscow, Mezhdunar. fond «Demokratia». 867 p. (In Russ.).

Glavnyi protivnik. Dokumenty amerikanskoi vnesheinei politiki i strategii 1945–1950 gg. (2006), transl. by Engl., I. M. Il'inskiy (ed). Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo gumanitarnogo universiteta. 504 p. (In Russ.).

Gorbachev, M. S. (1992) *Dekabr' -91. Moia pozitsiia*. Moscow, Novosti. 224 p. (In Russ.).

Zasedanie Gosudarstvennogo soveta SSSR. 25 noiabria 1991 goda. Zapis' sdelana A. S. Cherniaevym so slov M. S. Gorbacheva. *Mezhdunarodnyi Fond sotsial'no-ekonomicheskikh i politologicheskikh issledovaniy (Gorbachev-Fond)*. [online] Available at: http://www.gorby.ru/userfiles/file/1991_25_11_gossovvet.pdf (access date: 01.02.2017). (In Russ.).

Metlock, Dzh. F. (2003) *Smert' imperii : vzgliad amerik. posla na raspad Sovet. Soiuz*, transl. by Engl. by T. Kudriavtseva and V. Misiuchenko. Moscow, Rudomino. 579 p. (In Russ.).

Pravda (1989). December 26. (In Russ.).

Cherniaev, A. S. (1997) *1991 god: Dnevnik pomoshchnika prezidenta SSSR*. Moscow, TERRA; Respublika. 336 p. (In Russ.).

Shevardnadze, E. (2009) *Kogda rukhnul zheleznyi zhanaves. Vstrechi i vospominaniia*, transl. by Germ. by G. Leonova. Moscow, Европа. 426 p. (In Russ.).

Iakovlev, A. N. (1994) *Gor'kaia chasha. Bol' shevizm i Reformatsiia Rossii*. Iaroslavl', Verkh-Volzh. kn. izd-vo. 464 p. (In Russ.).

Iakovlev, A. N. (2009) *Izbrannye interv'iu: 1992–2005*, comp. A. A. Iakovlev. Moscow, MFD. 480 p.

Submission date: 09.02.2017.

Ильинский Игорь Михайлович — доктор философских наук, профессор. Адрес: 111395, Россия, г. Москва, ул. Юности, д. 5. Тел.: +7 (499) 374-78-78. Эл. адрес: ord@mosgu.ru

Ilinskiy Igor Mikhailovich, Doctor of Philosophy, Professor. Postal address: 5 Yunosti St., Moscow, Russian Federation 111395. Tel.: +7 (499) 374-78-78. E-mail: ord@mosgu.ru